ЛИЦОМ К ЛИЦУ С НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬЮ

УГРОЗЫ И ДАВЛЕНИЕ НА АДВОКАТОВ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

AMNESTY INTERNATIONAL

SECURITY WITH HUMAN RIGHTS

Amnesty International – всемирное движение, объединяющее свыше трёх миллионов человек в более чем 150 странах и территориальных образованиях. Члены, сторонники и активисты организации выступают за прекращение грубых нарушений прав человека.

Мы стремимся к тому, чтобы каждый мог пользоваться всеми правами, провозглашёнными во Всеобщей декларации прав человека и других международных стандартах в области прав человека.

Мы не зависим ни от каких правительственных структур и не руководствуемся какими бы то ни было политическими убеждениями, экономическими интересами и религиозными воззрениями. Основную часть средств организация получает за счёт членских взносов и добровольных пожертвований.

AMNESTY
INTERNATIONAL

Впервые опубликовано в 2013 году
Amnesty International Ltd
Peter Benenson House
1 Easton Street
London WC1X 0DW
United Kingdom

© Amnesty International, 2013 год

Индекс: EUR 46/003/2013
Язык оригинала: английский

Все права защищены. Данная публикация охраняется авторским правом, однако может бесплатно воспроизводиться в правозащитных целях, для проведения кампаний и в целях обучения, но не для перепродажи. Любое использование всегда должно быть предварительно согласовано с правообладателями для оценки воздействия. При воспроизведении в иных целях, при переводе на другие языки либо адаптации требуется предварительное письменное согласие издателей, и может взиматься плата. Для получения разрешения, а также по другим вопросам просьба обращаться по адресу: copyright@amnesty.org

Фото на обложке: адвокат Сапият Магомедова с материалами дела об избиении ее сотрудниками полиции, а также уголовного дела, открытого против нее самой. Хасавьюрт, Республика Дагестан, Российская Федерация, июнь 2012 г.
© Amnesty International 2012

amnesty.org

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление 5

Методология....9

Глава 1. Правовая основа адвокатской деятельности и роль адвоката в защите прав человека в России....11

Адвокатура в системе уголовного правосудия 11

Право подозреваемого на защиту и роль адвоката 12

Глава 2. Атмосфера устрашения и давления, и ее влияние на работу адвокатов....15

«Обвинительный уклон» российской системы уголовного правосудия 18

Дисциплинарное производство как форма давления на адвокатов .20

Глава 3. Процессуальные и организационные барьеры между адвокатом и доверителем....22

Препятствия в вопросах доступа адвоката к доверителю и подачи жалоб 22

Предоставление защитника государством и практика недобросовестной защиты....26

Глава 4. Угрозы, устрашение и убийство адвокатов на Северном Кавказе....31

«Разве вы не знаете, в какое время мы живем?» Угрозы и устрашение адвокатов....31

Угрозы членам семьи 35

Когда угрозы становятся реальностью: физическое насилие в отношении адвокатов 37

Ценой жизни: убийство адвоката в ходе спецоперации 41

Заключение 44

Рекомендации 47

Рекомендации правительству Российской Федерации....47

Рекомендации Федеральной адвокатской палате и адвокатским палатам Северного Кавказа....48

Рекомендации международному сообществу 48

ВСТУПЛЕНИЕ

Права человека находятся под серьезной угрозой на Северном Кавказе, регионе Российской Федерации, включающем шесть республик – Дагестан, Ингушетию, Кабардино-Балкарию, Карачаево-Черкесию, Северную Осетию и Чечню – и Ставропольский край.[1] На жизнь многих людей и в целом политическую, экономическую и социальную ситуацию в этом регионе Российской Федерации в значительной степени влияют угрозы безопасности со стороны незаконных вооруженных формирований и ответные действия российских властей. В связи с регулярными нападениями на представителей силовых ведомств и местных администраций, известных общественных деятелей и простого населения перед российскими властями стоит необходимость, а равно и обязанность, обеспечить безопасность мирного населения. Тем не менее, любые действия по борьбе с незаконными вооруженными формированиями, и в частности усилия по установлению и привлечению к ответственности подозреваемых в причастности к совершенных ими преступлениям, должны проводиться в соответствии с принципом верховенства права и при неукоснительном соблюдении прав человека.

В течение многих лет Amnesty International регулярно получает сообщения о нарушениях прав человека на Северном Кавказе, совершаемых сотрудниками правоохранительных органов в рамках борьбы с незаконными вооруженными формированиями. Организация изучила и задокументировала многочисленные случаи нарушения прав человека в этом регионе, в том числе пытки и другие формы жестокого обращения, насильственные исчезновения и внесудебные казни.[2] Подобные нарушения часто характеризуются отсутствием адекватной реакции со стороны российских властей. Чаще всего в таких случаях по предполагаемым нарушениям не проводится быстрого, тщательного, эффективного, независимого и беспристрастного расследования, как того требует международное право.[3] Другие организации также высказывали обеспокоенность неэффективностью официальных расследований и проблемой безнаказанности в регионе. В отношении дел ряда правозащитников, адвокатов и журналистов Парламентская ассамблея Совета Европы (ПАСЕ) выразила «непонимание и тревогу по поводу того, что до сих пор ни одно из этих дел не было раскрыто органами следствия» и призвала российские власти «привлекать к суду в соответствии с законодательством всех нарушителей прав человека, в том числе сотрудников правоохранительных органов, и раскрыть совершенные безнаказанно многочисленные преступления».[4]

Нередко представители российских властей отрицают сам факт нарушений, даже в тех случаях, когда Amnesty International и другие организации смогли собрать документальные подтверждения. Несмотря на то, что в расследовании подобных нарушений следователи действительно сталкиваются со значительными трудностями – включая секретность спецопераций в регионе, сложность найти независимых свидетелей из-за опасности, которой подобные свидетели подвергаются – Amnesty International также зафиксировала множество случаев, когда сами расследования не являлись независимыми и беспристрастными, особенно – как это чаще всего бывает – когда расследования проводились силами местных следственных органов сотрудники которых нередко связаны профессиональными и личными узами с силовиками, подозреваемыми в участии в подобных нарушениях.[5] Нередко следователи утверждают, что они не могут установить лиц, подлежащих привлечению к ответственности, и приостанавливают или закрывают дело. В других случаях, когда причастность сотрудников правоохранительных органов к конкретному нарушению не составляет никаких сомнений, заявления о том, что их действия должны расцениваться как нарушения прав человека, отметаются как безосновательные. Тем не менее, во многих подобных случаях трудно не прийти к заключению, что следователь не стремится провести все необходимые следственные действия, непредвзято рассмотреть все имеющиеся доказательства и предъявить обвинения предполагаемым нарушителям.[6] В результате торжествует безнаказанность за нарушения прав человека. Причем речь идет не о единичных, а о многочисленных случаях, к которым причастны сотрудники силовых структур; это проблема системного масштаба. Несмотря на то, что теоретически потерпевшие могут воспользоваться средствами правовой защиты (потерпевшие могут подать жалобу в суд на бездействие следственных органов и потребовать проведения эффективного расследования), на практике им часто в этом отказывается, а следствие – в случаях, когда уголовные дела все-таки открываются – обычно ни к чему не приводит, и никто не привлекается к ответственности за многочисленные случаи насильственных исчезновений, пыток и других форм жестокого обращения, а также предполагаемых внесудебных казней на Северном Кавказе.[7]

Подобная несостоятельность официальной реакции на нарушения прав человека все больше подрывает принцип верховенства права. У этой проблемы есть и другая важная сторона. В то время как потерпевшим, чьи права были нарушены сотрудниками правоохранительных органов, отказывается в доступе к правосудию и эффективных средствах правовой защиты, права тех, кто обвиняется в преступлениях, связанных с действиями незаконных вооруженных формирований или иных уголовных преступлениях, также нарушаются в процессе уголовного производства.

Каждый обвиняемый имеет право на справедливое судебное разбирательство, в том числе право на доступ к адвокату, правовую помощь и свободный выбор защитника.[8] Как стало известно Amnesty International из интервью с адвокатами в ходе подготовки данного доклада, на Северном Кавказе эти права также часто нарушаются.

Подозреваемые, и в особенности те, кому предъявлены обвинения в участии в незаконных вооруженных формированиях и сопутствующих преступлениях, таких например как незаконное приобретение оружия, обычно содержатся под стражей во время расследования[9] и суда. В подобной ситуации человек чрезвычайно уязвим и может подвергнуться самым различным нарушениям со стороны представителей следственных, иных правоохранительных и судебных органов, таким как применение пыток во время допроса, использование сделанного под давлением «признания» в качестве доказательства в суде или нарушение равноправия сторон в уголовном процессе.[10]

Российское законодательство запрещает применение пыток, хотя их определение не полностью соответствует определению, данному в Конвенции ООН против пыток.[11] Несмотря на это, закон включает правовые гарантии и предусматривает некоторые механизмы, призванные исключить применение пыток и обеспечить соблюдение процессуальных прав подозреваемого.[12] Среди гарантий и механизмов, предусмотренных российским законодательством с целью предотвращения либо исправления подобных нарушений – право каждого пользоваться услугами профессионального адвоката в качестве защитника во время расследования и судебных слушаний.[13] Подсудимый вправе отказаться в суде от данных им ранее письменных показаний, если они не были подписаны адвокатом, присутствовавшем на допросе. Для человека, находящегося в заключении, на период до судебного заседания зачастую адвокат – это единственный человек, представляющий связь с внешним миром, который сам не принадлежит к системе правоохранительных и судебных органов (следователь вправе отказать задержанному в свиданиях с родственниками на время расследования[14] – и на практике так и происходит в большинстве случаев в отношении лиц, подозреваемых в принадлежности у незаконным вооруженным формированиям). Именно на адвоката ложится обязанность фиксировать и заявлять протест по поводу нарушений прав человека и процессуальных нарушений в отношении подзащитного, и предоставлять юридическую защиту. Судьба подозреваемого во многом зависит от добросовестности и профессионализма адвоката, который обычно является единственным инструментом минимальной гарантии соблюдения прав подозреваемого/подсудимого в рамках уголовного процесса, который, по свидетельству многих адвокатов, опрошенных Amnesty International, нацелен на достижение обвинительного приговора, что часто ведет к нарушению процессуальных прав подсудимого – включая такого законодательно закрепленного требования к судебному разбирательству как состязательность процесса с соблюдением равноправия сторон.[15]

Широко признано (как будет показано ниже), что российская система правоохранительных и судебных органов, располагающая мощным карательным аппаратом, нацелена на вынесение максимально возможного количества обвинительных заключений и приговоров.[16] На Северном Кавказе многие адвокаты рассказывали Amnesty International, что представители этой системы – сотрудники следствия, прокуратуры, полиция и оперативные службы, а зачастую и судьи – воспринимают адвокатов не как часть системы уголовного правосудия и гарантию ее нормального функционирования, а как помеху. В таких условиях адвокаты на Северном Кавказе вынуждены, осуществляя свою профессиональную деятельность, сталкиваться с давлением, угрозами и преследованиями, что является основной темой данного доклада. Это серьезно подрывает их способность выполнять свой профессиональный долг и защищать права подзащитных, а также отстаивать собственную независимость.

ИЗБИЕНИЕ АДВОКАТА САПИЯТ МАГОМЕДОВОЙ СОТРУДНИКАМИ ПОЛИЦИИ[17]

Дагестанский адвокат Сапият Магомедова пришла в полицейский участок на встречу с недавно задержанной женщиной, но ей отказали в свидании с ее подзащитной и жестоко избили. Попытки адвоката добиться привлечения нападавших на нее сотрудников к уголовной ответственности привели к тому, что в отношении ее самой было заведено уголовное дело, а позже всякое следствие было прекращено.

Сапият Магомедова — адвокат из города Хасавюрт в Дагестане, работающая по уголовным делам и неоднократно представлявшая жертв нарушений прав человека со стороны сотрудников правоохранительных органов. 17 июня 2010 года адвокат она пришла в городской отдел внутренних дел (ГОВД) на встречу с недавно задержанной женщиной,

предъявила адвокатское удостоверение дежурному на контрольно-пропускном пункте (КПП) и была пропущена внутрь через металлические ворота. По словам Сапият, во внутреннем дворе ее остановили сотрудники отдела, которым в это время их руководитель дал указание «выкинуть ее» и «не пускать обратно». Двое сотрудников схватили ее за руки и плечи и вытолкнули через КПП обратно на улицу. Когда Сапият развернулась с намерением попасть в ГОВД, они с силой вытолкнули ее из контрольно-пропускного пункта, в результате чего она упала на землю и разбила лицо.[18] Когда Сапият поднялась, стараясь оправиться от падения, она потребовала то сотрудников назвать свои имена и предупредила, что они ответят за свои действия. По всей видимости, это их разозлило. По словам Сапият, один из них схватил ее за волосы и пригрозил, что она «отправится к своей подзащитной»; трое сотрудников втащили ее обратно на территорию ГОВД, при этом ударив головой о металлическую решетку ворот, от чего адвокат ненадолго потеряла сознание. По словам Сапият, один сотрудник вывернул ей большой палец, а затем запястье правой руки, в то время как другие, которых она не могла видеть, наносили удары кулаками сзади. Сапият полагает, что ее избивали пять или шесть полицейских. Когда ее перестали бить, другая адвокат, оказавшаяся в это время в ГОВД, вызвала скорую помощь. Прибывшая машина скорой помощи по-видимому не была допущена на территорию ГОВД. Та же адвокат вызвала скорую помощь еще раз, и помогла Сапият выйти на улицу. Согласно медицинскому заключению от 21 июня 2010 года, Сапият Магомедова была госпитализирована 18 июня с сотрясением головного мозга и многочисленными ушибами мягких тканей и грудной клетки. Она провела месяц на стационарном лечении в Дагестане и Москве.

18-19 июня 2010 года письменные заявления от имени Сапият Магомедовой были направлены в Прокуратуру Республики Дагестан и руководству Следственного комитета в Москве с требование о возбуждении уголовного дела в отношении сотрудников полиции города Хасавюрт. Уголовное дело по ее заявлениям было открыто только 1 июля 2010 года. Однако уже на следующий день, 2 июля, было заведено уголовное дело в отношении Сапият Магомедовой на основании встречного заявления со стороны сотрудников полиции, из которого следовало, что полицейские сами стали жертвами нападения и публичного оскорбления с ее стороны. В последующие месяцы Сапият Магомедова получала «советы» от некоторых знакомых о том, что ей лучше забрать свое заявление против сотрудников полиции, и что если она будет настаивать, то ей самой грозит уголовное преследование.

Сапият Магомедова неоднократно направляла федеральным властям заявления с ой передать оба уголовных дела в любой следственный орган за пределами Дагестана для обеспечения беспристрастности расследования, но все ее просьбы были проигнорированы. В одном из заявлений, поданном на имя председателя Следственного комитета в Москве в апреле 2011 года, она пожаловалась, что за девять месяцев с начала расследования дела по ее заявлению даже не был установлен круг подозреваемых, и все сотрудники ГОВД города Хасавюрт, допрошенные следователем, до сих пор фигурировали в деле в качестве свидетелей, и ни один – в качестве подозреваемого, хотя она была готова опознать некоторых из них как нападавших. Сапият Магомедова также безуспешно пыталась обжаловать бездействие следствия (включая уклонение от установления круга подозреваемых) в Советском районном суде города Махачкала, куда она подала жалобу 25 ноября 2010 года. Жалоба не была рассмотрена в установленный законом пятидневный срок.[19] Судья рассмотрела жалобу только 25 ноября 2010 года, и вынесла постановление оставить ее без удовлетворения. 11 января 2011 года Сапият Магомедова подала жалобу в Судебную Коллегию по уголовным делам Верховного суда Республики Дагестан на постановление Советского районного суда города Махачкала, которая 28 февраля 2011 года также была оставлена без удовлетворения.

В то же время 30 сентября 2010 года суд вынес решение о мере пресечения в отношении Сапият Магомедовой в виде подписки о невыезде на основании утверждения следователя о «наличии достаточных данных полагать, что подозреваемая Магомедова С.А. скроется от предварительного следствия, может продолжать заниматься преступной деятельностью,

угрожать свидетелям, иным участникам уголовного судопроизводства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу». При этом в решении суда не было указано, какие доказательства были представлены следователем в подтверждение этого утверждения, и, по словам адвоката, таких «достаточных данных» просто не могло быть представлено, поскольку они не существовали. Подписка о невыезде означала, что адвокату запрещалось покидать Дагестан, что она сама расценила это как форму давления на нее.

Только 15 июля 2011 года четверым сотрудникам ГОВД города Хасавюрт было предъявлено обвинение в превышении должностных полномочий (статья 286 Уголовного кодекса РФ), а 27 июля 2011 года обвинение было предъявлено самой Сапият Магомедовой по статье 318 (1) («Применение насилия в отношении представителя власти», наказывается лишением свободы на срок до пяти лет) и статье 319 («Оскорбление представителя власти») Уголовного кодекса РФ. 22 сентября и 7 октября 2011 года соответственно, дела в отношении Сапият Магомедовой и в отношении сотрудников полиции были направлены в суд. Суд вернул дела следователю на основании того, что оба они относятся к одному событию, но при этом дают взаимоисключающую оценку произошедшего, что, по словам судьи, не дает возможность провести расследование случившегося. Верховный суд Республики Дагестан поддержал это решение. Тогда 28 декабря 2011 года руководитель следственного отдела в свою очередь постановил закрыть оба дела на том основании, что так как обвинения по каждому из дел были основаны на взаимоисключающих показаниях, следствие исчерпало все возможности для установления объективных фактов, и существующие противоречия являются «неустранимыми». Однако вызывает сомнение утверждение, что все возможности для установления объективных фактов были исчерпаны, учитывая последовательное уклонение следствия от тщательного и добросовестного расследования показаний и улик, которые Сапият Магомедова либо смогла предоставить (например, копии книги учета сообщений о происшествиях, из которых следует, что встречный иск в отношении нее со стороны сотрудников ГОВД был зарегистрирован три дня спустя и внесен «задним числом») либо на проверке которых она настаивала (например, просмотр видеозаписи, сделанной камерой слежения, установленной на здании ГОДВ, которую Сапият Магомедова неоднократно и безуспешно требовала у следователя просмотреть в ее присутствии с возможностью прокомментировать), как следует из неоднократно поданных ею жалоб за время затянутого периода расследования. Вместо этого оба уголовных дела, как в отношении сотрудников ГОВД, так и в отношении адвоката, были закрыты в рамках одного делопроизводства. Следует отметить, что Сапият Магомедова не была своевременно проинформирована об этом решении, принятом 28 декабря 2011 года, и случайно узнала о нем лишь в марте 2012 года. На момент подготовки доклада она собирается подавать апелляцию, хотя почти не надеется на какой-либо положительный и справедливый исход дела.

История Сапият Магомедовой – заявление о нападение со стороны сотрудников органов внутренних дел и несостоятельность последующего расследования – многое говорит о непринятии властями необходимых мер для защиты адвокатов в регионе и трудностях, с которыми сталкиваются Сапият и ее коллеги на Северном Кавказе при исполнении своих профессиональных обязанностей. Государство обязано гарантировать адвокатам свободное осуществление их деятельности. Гарантии должны включать эффективное и беспристрастное расследование каждого заявленного инцидента, и привлечение виновных к ответственности, чего не произошло в этом случае. Более того, действия сотрудников полиции нарушили право подзащитной Сапият Магомедовой на доступ к адвокату.[20]

Случай Сапият Магомедовой не единственный в своем роде. От многих других его отличает отвага и настойчивость, которую она проявила перед лицом сопротивления и давления со стороны системы, а также его международный резонанс. Во всем остальном этот случай, к сожалению, не уникален. В том же 2010 году в одном только Дагестане, как минимум, еще две женщины-адвоката сообщили властям и прессе о применении к ним физического насилия и угроз со стороны полицейских с целью воспрепятствовать их профессиональной деятельности. Как сообщается, 2 июля в своем кабинете следователь ударил адвоката Джамилию Тагирову кулаком в лицо (подробности ниже), а 7 октября ее коллегу Зинфиру Мирзаеву силой усадили в машину двое сотрудников органов внутренних дел, когда она фотографировала предполагаемое

место преступления (загон, откуда были украдены несколько баранов), отвезли ее в отделение, держали там и угрожали, что заведут на нее уголовное дело на основании того, что она якобы делала фотографии для подготовки теракта. В другом случае, по сведениям Правозащитного центра «Мемориал», неизвестные в масках настолько жестоко избили деревянными битами и железной арматурой их адвоката Сергея Квасова, что он потерял сознание.[21] Как минимум в двух случаях из трех перечисленных выше были заведены уголовные дела, но никто, насколько известно Amnesty International, не был привлечен к ответственности.

В отличие от случая Сапият Магомедовой, истории многих адвокатов на Северном Кавказе, которым также пришлось проявить отвагу, противодействую мощной репрессивной системе, известны менее широко. Для тех, кто столкнулся с пытками, кому было отказано в справедливом суде, чьи основополагающие права человека были нарушены, эти адвокаты являются единственной надеждой на справедливость и последним рубежом защиты; при этом сами адвокаты во многих отношениях остаются незащищенными.

Данный доклад – это попытка пролить свет на сложившуюся ситуацию, в ответ на которую необходимы срочные меры. Российские власти обязаны соблюдать и уважать права всех граждан, в том числе и адвокатов, на Северном Кавказе, и обеспечить адвокатам защиту и возможность свободно осуществлять свою профессиональную деятельность без страха за собственную безопасность. Власти также обязаны как привлекать к ответственности всех виновных в насилии и жестоком обращении по отношению к адвокатам, так и гарантировать подозреваемым их право на справедливый суд, включая право на получение правовой помощи от выбранного ими защитника. Невозможно переоценить важность данных вопросов. Как отмечено в принятом ООН документе «Основные принципы, касающиеся роли юристов»,[22] «для обеспечения надлежащей защиты прав и основных свобод человека, пользоваться которыми должны все люди, независимо от того, являются ли эти права экономическими, социальными и культурными или гражданскими и политическими, необходимо, чтобы все люди действительно имели доступ к юридическим услугам, предоставляемым независимыми профессиональными юристами».[23]

МЕТОДОЛОГИЯ

Доклад основан главным образом на материалах, собранных Amnesty International в ходе посещения в июне 2012 года в шести республик Северного Кавказа – Дагестана, Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Северной Осетии и Чечни. Материалы исследования дополнены информацией из открытых источников, а также данными, полученными Amnesty International в ходе правозащитных кампаний и постоянного отслеживания нарушений прав человека на Северном Кавказе. В рамках своей деятельности организация поддерживает связь с адвокатами всего региона.

Во время упомянутой поездки представители Amnesty International поговорили с 30 адвокатами из шести республик, занимающимися защитой в уголовных делах. Каждому из опрошенных адвокатов доводилось представлять подзащитных в рамках дел, связанных с деятельностью незаконных вооруженных формированиях и сопутствующими преступлениями, такими например как незаконное приобретение оружия или терроризм. Некоторые из собеседников согласилась говорить только на условиях анонимности, и Amnesty International относится к их выбору с пониманием. Авторы доклада осознают, что те, кто дал Amnesty International интервью для этого доклада, могут подвергнуться риску, если станет известно, кто они: в отличие от сотрудников Amnesty International, которые только приезжают в регион, эти люди живут и работают там, и в связи со своей профессиональной деятельностью подвергаются опасности практически ежедневно. Важно отметить, что на Северном Кавказе, где адвокаты представляют сравнительно небольшое сообщество, часто даже отдельные подробности случаев, рассказанных ими Amnesty International, могут быть достаточными для идентификации адвоката, особенно если в этом заинтересованы влиятельные правоохранительные органы, чьи сотрудники могут иметь непосредственное отношение к этим случаям. Они обладают значительными возможностями по отслеживанию информации, что может им позволить вычислить конкретного адвоката. Данный доклад представляет собой попытку раскрыть и объяснить соответствующие риски, и там, где с точки зрения авторов степень такого риска существенна, в целях безопасности собеседников Amnesty International упоминание деталей избегается. Авторы доклада признают, что с учетом этого ограничения не всегда описание конкретного случая позволяет представить тот же уровень подробностей, который отличает иные публикации Amnesty International. Однако организация ставит безопасность людей на первое место. Когда информация по тому или иному случаю уже находится в открытом доступе, в докладе по нему приводится больше деталей. Это чаще относится к случаям, которые имели место раньше, и в которых вопрос безопасности задействованных лиц уже не стоит так остро.

Какие-то из случаев, рассматриваемых в этом докладе, происходили раньше, какие-то позже. Один такой случай, по которому Amnesty International собирала подробную информацию непосредственно, и более подробно описанный в докладе, относится к 2007 году. В том, что касается этого случая, и других приведенных случаев из числа более новых, следует заметить, что отмеченные в них проблемы до сих пор остаются актуальными для Северного Кавказа – о чем свидетельствуют и что взаимно подтверждают и случаи последнего времени. Это справедливо как в отношении давления, которому подвергаются адвокаты в связи со своей профессиональной деятельностью, вступая в уголовные дела на Северном Кавказе, так и в отношении отсутствия адекватных ответных мер со стороны российских властей – в частности отсутствия тщательного, эффективного, независимого и беспристрастного расследования, привлечения виновных к ответственности и обеспечения адвокатам возможности выполнять свои профессиональные обязанности в обстановке, «свободной от угроз, препятствий, запугивания или неоправданного вмешательства».[24]

В ходе подготовки доклада представители Amnesty International посетили два судебных слушания: первое в городе Карабулак в Ингушетии (слушания по делу Гулиева и Нальгиева – некоторые обвинения в деле против двух бывших сотрудников полиции связаны с похищением и пытками Зелимхана Четигова в апреле 2010 года[25]) и второе в городе Нальчик в Кабардино-Балкарии (слушания по делу 58 подозреваемых в участии в нападении на столицу республики 13-14 октября 2005 года – так называемое «нальчикское дело» в отношении предположительных участников скоординированного нападения на правоохранительные органы со стороны более чем сотни вооруженных лиц).[26]

Amnesty International признательна всем тем, кто в ходе подготовки этого доклада поделился с организацией своим мнением, историями из личного профессионального опыта и опыта других коллег.

ГЛАВА 1. ПРАВОВАЯ ОСНОВА АДВОКАТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И РОЛЬ АДВОКАТА В ЗАЩИТЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В РОССИИ

Адвокатура в системе уголовного правосудия

Согласно российскому законодательству некоторые представители юридической профессии, а именно адвокаты, наделены особым статусом. Для получения статуса адвоката необходимо быть членам адвокатской палаты и соблюдать ряд условий.[27] Статус адвоката дает его обладателю ряд прав и привилегий, но также накладывает и обязательства, такие как, например, запрет на работу в качестве наемного сотрудника (за исключением научной и преподавательской деятельности), и таким образом адвокат либо осуществляет свою трудовую деятельность в индивидуальном порядке, либо в качестве члена адвокатского образования.[28] Все юристы, которые были опрошены при подготовке этого доклада и которые упоминаются в нем, являются адвокатами.[29]

Согласно российскому законодательству адвокатская палата – это негосударственная некоммерческая организация, основанная на членстве адвокатов и коллективно представляющая их интересы в отношениях с государством. Она несет ответственность за то, что все ее члены удовлетворяют профессиональным требованиям и соблюдают Кодекс профессиональной этики адвоката, и определяет порядок оказания бесплатной юридической помощи гражданам (см. детали ниже). Адвокатские палаты есть во всех 83 субъектах Российской Федерации. На Северном Кавказе субъектами являются шесть республик – Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Северная Осетия и Чечня – а также Ставропольский Край. В каждом из этих субъектов есть своя адвокатская палата. Также существует Федеральная палата адвокатов Российской Федерации (ФПА). ФПА объединяет адвокатские палаты субъектов Российской Федерации на основе коллективного членства. В совокупности члены всех адвокатских палат РФ составляют независимое и самоуправляемое профессиональное сообщество – адвокатуру. ФПА коллективно представляет и отстаивает интересы адвокатов и адвокатских палат в их отношениях с органами государственной власти.

Адвокатская деятельность и ее правовая основа, членство в адвокатуре строго регламентированы законодательно – а именно в федеральном Законе «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», а также регламентированы Кодексом профессиональной этики адвоката (КПЭА – документом, принятом на всероссийском съезде адвокатов). В законе предписывается «честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами».[30] Доверитель может отказаться от услуг адвоката или сменить адвоката в любой момент. Адвокат же, напротив, связан профессиональным долгом в отношении доверителя, и не может отказаться от его защиты по собственному выбору.

Вне зависимости от того, членом какой из адвокатских палат Российской Федерации является адвокат, он вправе осуществлять адвокатскую деятельность на территории всей страны и пользоваться одинаковыми правами и привилегиями. К последним относятся положение о том, что не допускается обыск жилых и служебных помещений, используемых адвокатом, а также проведение оперативно-розыскных мероприятий в отношении адвоката без специального решения суда.[31] Адвокат может вступить в дело в качестве защитника не только по приглашению самого подозреваемого, но и иных лиц по поручению или с согласия с его стороны, либо по назначению дознавателя, следователя или суда с оплатой труда адвоката государством («адвокат по назначению»). В этом качестве адвокат имеет право на неограниченное число конфиденциальных свиданий с находящимся под стражей подзащитным.[32] Вне зависимости от того, был ли адвокат приглашен частным образом или по назначению дознавателя, следователя или суда, он выступает в качестве профессионального советника по правовым вопросам и представителя подзащитного на протяжении производства предварительного расследования и во время судебного разбирательства в интересах своего подзащитного, исходя исключительно из его интересов и на основании его прямых инструкций.[33]

Адвокат не может подвергаться личному обыску при посещении места заключения без достаточных фактических оснований, которые сотрудники пенитенциарного учреждения обязаны мотивировать по его требованию.[34] Важнее всего то, что работа адвоката и его отношения с доверителем и органами государственной власти основываются на принципе *адвокатской тайны*, которая и является основанием для всех вышеприведенных прав и привилегий.[35] Соответственно, адвокат одновременно и связан, и защищен этим принципом, и не может быть допрошен дознавателем, следователем, судом или кем-либо еще об обстоятельствах, ставших

ему известными в связи с работой над конкретным делом. Этот принцип запрещает адвокату выступать свидетелем по делу. И наоборот, адвокат не может представлять доверителя в деле, в рамках которого он дал показания в качестве свидетеля.[36]

Фактически закон отводит адвокату особое место и роль в системе уголовного правосудия: адвокат выступает защитником прав человека, оказавшегося один на один с государственным аппаратом, перед которым стоит задача раскрыть преступление, установить преступника, привлечь его к ответственности и установить его виновность либо невиновность в рамках судебного разбирательства. Адвокат является связующим звеном между правоохранительной системой с одной стороны, со всеми ее возможностями и полномочиями задерживать, помещать под стражу, допрашивать, проводить судебное разбирательство и, в случае доказанности вины, наказывать, и, с другой стороны, конкретным человеком и его правами, гарантированными международным правом и Конституцией Российской Федерации, включая запрет на произвольное или незаконное задержание и арест, запрет на применение пыток, а также право на справедливое судебное разбирательство.[37] Адвокат играет решающую роль в защите прав человека, подозреваемого в совершении преступления, что было особо отмечено международными экспертами[38] – и сталкивается с особенно сложной задачей, когда различные элементы системы правоохранительных структур и органов, осуществляющих уголовное судопроизводство, выступают единым фронтом и прибегают к нарушениям прав подозреваемого.

Полное и последовательное соблюдение вышеприведенных правил и принципов является необходимым условием справедливого судебного разбирательства. Взаимоотношение адвоката с подзащитным уязвимо во многих отношениях, и оно остается полноценным только при условии уважения и добросовестного соблюдения вышеупомянутых принципов и правил со стороны государственных органов. Оно может быть легко подорвано, если сотрудники наделенных огромными полномочиями органов делают выбор не следовать этим правилам, и именно это наглядно показано на примерах, представленных ниже.

Право подозреваемого на защиту и роль адвоката

Международное право

Человек, которому предъявлено уголовное обвинение, особенно если он заключен под стражу, уязвим во многих отношениях. Международное право и стандарты в области прав человека наделяют его рядом важнейших, основополагающих прав, призванных оградить его от возможного злоупотребления со стороны сотрудников системы уголовного правосудия. С точки зрения темы этого доклада наиболее важными из них являются те, которые касаются права на защиту и определяют роль адвоката, а также определяют обязательства государства по отношению к подозреваемому и его защитнику.

И Международный пакт о гражданских и политических правах, и Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод («Европейская конвенция по правам человека», ЕКПЧ) предусматривают целый ряд прав, обуславливающих справедливость судебного разбирательства.[39] В их числе право каждого на равенство перед судом,[40] презумпцию невиновности до той поры, пока вина не доказана в законном порядке,[41] право защищать себя лично или через свободно выбранного защитника,[42] общаться со своим защитником в условиях конфиденциальности,[43] и право не быть принуждаемым к даче показаний против самого себя или к признанию себя виновным.[44] Право на защиту включает в себя право на бесплатную юридическую помощь, «когда интересы правосудия того требуют».[45] Во всех обстоятельствах подозреваемому должен быть гарантирован быстрый доступ к защитнику.[46] Обвиняемый имеет право на добросовестную защиту, и если предоставленный государством защитник не смог защитить своего доверителя эффективно, это может повлечь за собой ответственность самого государства.[47]

Роль юриста является ключевой с точки зрения реализации и защиты всех этих прав, что подчеркивается в «Основных принципах, касающихся роли юристов», – документе, принятом на Восьмом Конгрессе Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (Гавана, 27 августа – 7 сентября 1990 года). «Основные принципы, касающиеся роли юристов» («Основные принципы») устанавливают, что правительства должны обеспечить такие условия «чтобы юристы (а) могли выполнять все свои профессиональные обязанности в обстановке, свободной от угроз, препятствий, запугивания или неоправданного вмешательства; (б) могли совершать поездки и беспрепятственно консультироваться со своими клиентами внутри страны и за ее пределами; и (в) не подвергались судебному преследованию и судебным, административным, экономическим или другим санкциям за любые действия, совершенные в соответствии с признанными профессиональными

обязанностями, нормами и этикой, а также угрозам такого преследования и санкций».[48] Развивая эти положения, «Основные принципы» называют ряд специфических гарантий, которые должно предоставить государство, в частности:

- когда «возникает угроза безопасности юристов в результате выполнения ими своих функций, власти обеспечивают им надлежащую защиту»;[49]
- «юристы не отождествляются со своими клиентами или интересами своих клиентов в результате выполнения ими своих функций»;[50]
- «ни один суд … не отказывается признавать права юриста … за исключением тех случаев, когда юристу было отказано в праве выполнять свои профессиональные обязанности в соответствии с национальным правом и практикой и в соответствии с настоящими принципами»;[51]
- «юристы пользуются гражданским и уголовным иммунитетом в отношении соответствующих заявлений, сделанных добросовестно в суде».[52]

Государства также должны принять меры к тому, чтобы юристы, участвующие в подаче жалоб или расследовании нарушений прав человека (что относится ко многим случаям, описанным в этом докладе), были защищены от жестокого обращения, запугиваний и преследования.[53] По сути, «Основные принципы» детализируют общее положение, обеспечивающие адвокатам возможность эффективно выполнять функции и обязанности по отношению к своим доверителям. Комитет ООН по правам человека также подчеркивает, что «адвокаты должны иметь возможность консультировать и представлять лиц, обвиняемых в уголовном преступлении, в соответствии с общепризнанными принципами профессиональной этики без каких бы то ни было ограничений, воздействия, давления или неправомерного вмешательства с какой бы то ни было стороны».[54] Так же и Комитет министров Совета Европы обращает особое внимание на то, что «[с]ледует принять все необходимые меры для того, чтобы уважалась, защищалась и поощрялась свобода осуществления профессии адвоката без дискриминации и неправомерного вмешательства со стороны органов власти или общественности, в особенности в свете соответствующих положений Европейской конвенции по правам человека».[55] В основе всех этих требований – принцип независимости адвокатов, на который указывается в преамбуле «Основных принципов».

Российское законодательство

Российское законодательство также содержит гарантии соответствующих ключевых прав, включая процессуальные нормы и правовые гарантии, призванные обеспечить возможность пользоваться этими правами.

Конституция Российской Федерации гласит, что «международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора» (статья 15.4). Она также признает и гарантирует «права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права» (статья 17.1), благодаря чему они могут быть прямым образом применены согласно российскому законодательству. Кроме того, статья 19 Конституции гарантирует всем равенство перед законом и судом. Каждый имеет право защищать свои права и свободы «всеми способами, не запрещенными законом» (статья 45). Статья 46 Конституции гарантирует каждому судебную защиту его прав и свобод. Статья 48 предусматривает право на квалифицированную юридическую помощь, которая в случае задержания или помещения под стражу должна предоставляться с момента задержания. Любой человек считается невиновным, пока его вина не будет доказана в соответствии с законом по решению суда. «Обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность», и любые сомнения в виновности обвиняемого толкуются в его пользу (статья 49). Статья 59 запрещает использование доказательств, полученных незаконным путем. Сюда входят и доказательства, полученные с помощью пыток и других форм жестокого обращения – которые прямым образом запрещены статьей 21.2.

Детали некоторых из этих прав и соответствующие процессуальные гарантии прописаны в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (УПК). Согласно УПК, каждому человеку, ставшему участником уголовного судопроизводства (в том числе тому, кто заключается под стражу, кому предъявляются обвинения, кто предстает перед судьей либо допрашивается в качестве свидетеля в уголовном деле) должны быть разъяснены его права (статья 11). Статья 16 УПК гарантирует право на защиту каждому подозреваемому и обвиняемому с самого начала уголовного судопроизводства.[56] Кроме того, каждый подозреваемый в уголовном преступлении

имеет право на конфиденциальные свидания со своим защитником без ограничения их числа и продолжительности, в том числе до первого допроса.[57]

Свидетель в уголовном деле также имеет право пригласить адвоката на время допроса дознавателем или следователем, а также для присутствия во время любых иных следственных действий (например, при посещении места преступления или при перекрестном допросе).[58] Стремление привести с собой адвоката на допрос в качестве свидетеля по уголовному делу является достаточно обычным явлением. Это связано с дефицитом доверия к системе уголовного правосудия среди обычных российских граждан и страхом подвергнуться давлению со стороны следователя, или оказаться обвиняемым по прибытии на допрос после вызова в качестве свидетеля,[59] и не иметь в этот момент возможности воспользоваться услугами адвоката по собственному выбору.

Российское законодательство гарантирует каждому право выбрать себе защитника или пригласить нескольких адвокатов одновременно,[60] однако в случае предоставления бесплатного адвоката государством права на выбор конкретного защитника нет.

Подозреваемый, обвиняемый также вправе отказаться от помощи защитника. При этом отказ от защитника не обязателен для дознавателя, следователя и суда.[61] Тот, кому назначен бесплатный защитник, должен сделать это в письменном виде. С точки зрения дознавателя, следователя и представителя гособвинения присутствие адвоката является желательным в том отношении, что в суде обвиняемый может отказаться подтвердить данные ранее показания, и если они не подписаны адвокатом, то они не смогут быть приняты судом в качестве доказательства.[62] Напротив, представленные в суде показания, данные обвиняемым ранее, на этапе предварительного расследования, и подписанные адвокатом, как правило будут приняты судом, даже если обвиняемый заявит, что они были получены под пыткой или иным незаконным способом.[63]

УПК предусматривает возможность назначения защитника для подозреваемого, обвиняемого дознавателем, следователем или судом, и в этом случае стоимость услуг адвоката покрывается государством (статья 50(5)); не существует строгих условий (например, проверки материального положения), согласно которым решается вопрос о предоставлении бесплатной правовой помощи, и назначение бесплатного адвоката возможно для всех подозреваемых и обвиняемых в уголовных делах. В ряде категорий уголовных дел участие защитника предписано в обязательном порядке (например, когда лицо обвиняется в совершении преступления, за которое может быть назначено наказание в виде лишения свободы на срок свыше 15 лет). В таких случаях, когда присутствие адвоката, приглашенного подозреваемым или обвиняемым, невозможно в течении 24 часов с момента задержания, УПК предписывает следователю «принять меры по назначению защитника» (статья 50). Ниже поясняется, как эти положения закона могут использоваться сотрудниками дознания или следствия в нарушение прав подозреваемого с тем, чтобы не допустить приглашения ими адвоката по собственному выбору, либо привлечь адвоката, который не будет действовать в наилучших интересах подозреваемого, и даже может быть заподозрен в негласном сотрудничестве со следствием – по крайней мере, в плане неадекватной защиты интересов доверителя.

ГЛАВА 2. АТМОСФЕРА УСТРАШЕНИЯ И ДАВЛЕНИЯ, И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА РАБОТУ АДВОКАТОВ

«А сейчас? Я сейчас стараюсь не участвовать [в уголовных делах] – нет желания губить свою нервную систему. Тебя ни во что не ставят, просто ни во что не ставят»

Адвокат объясняет причину своего решения перестать заниматься уголовными делами, в интервью Amnesty International, июнь 2012 г., Карачаево-Черкесия

За последнее десятилетие представители Amnesty International многократно приезжали на Северный Кавказ, в том числе в 2010-2012 годах. Каждый раз они встречались с адвокатами, работавшими по уголовным делам и защищавшими тех, кто обвинялся в участии в незаконных вооруженных формированиях и сопутствующих преступлениях (таких как незаконное хранение оружия и терроризм). В ходе каждого визита в регион делегаты Amnesty International разговаривали с адвокатами, представлявшими тех, кто пытался добиться справедливости – людей, оказавшихся жертвами нарушений прав человека со стороны сотрудников правоохранительных органов, людей, искавших защиты и требовавших эффективного расследования сообщений о насильственных исчезновениях или внесудебных казнях, либо добивавшихся справедливости и компенсации в связи с неправомерных лишением свободы и пытками или иными видами жестокого обращения. Фактически все, кто пытался помочь предполагаемым жертвам подобных нарушений прав человека, – адвокаты, правозащитники, журналисты, проводившие собственные расследования – сами также принимали на себя риск подвергнуться давлению и устрашению, а иногда и сталкивались с угрозами в свой адрес, прямыми либо анонимными.

АНОНИМНЫЕ УГРОЗЫ ЖИЗНИ

В сентябре 2009 годе неизвестные составили и распространили в Махачкале (Дагестан) листовку с угрозами кровной мести в отношении участников незаконных вооруженных формирований и их «пособников». В числе последних упоминались четыре адвоката, правозащитники и журналисты. Один из журналистов был убит в 2011 году, и его убийцы до сих пор не найдены.

В листовке, распространенной во множестве копий, утверждалось, что ее авторы уже установили личности 250 членов незаконных вооруженных формирований и обещали их уничтожить в качестве мести за убийства сотрудников полиции и мирных граждан. Шестнадцать человек в листовке были названы «пособниками». Среди них - четыре адвоката, которые выступали в процессе защитниками лиц, обвиненных в участии в незаконных вооруженных формированиях и связанных с этим преступлениях, а также известный дагестанский журналист, правозащитник, которая занималась проблемой насильственных исчезновений, и другие активисты гражданского общества. Amnesty International известно и о других угрозах и преследованиях, с которыми позже столкнулись люди из этого списка.

В числе названных по имени в этой листовке «пособников» незаконных вооруженных формирований, был Хаджимурад Камалов – основатель независимой еженедельной газеты «Черновик» (сама газета неоднократно подвергалась давлению со стороны властей) и ведущий дагестанский журналист, известный своими критическими материалами. Он одним из первых публично заявил о распространенной в листовке анонимной угрозе. 15 декабря 2011 года он был застрелен недалеко от своего офиса вооруженным человеком в маске, и скончался по дороге в больницу.[64] Ни его убийца, ни авторы листовки, до сих пор не найдены.

Отслеживая и документируя конкретные случаи нарушений прав человека на Северном Кавказе, Amnesty International обратила внимание на тот факт, что нередко адвокаты, представлявшие пострадавших, сами сталкивались с давлением, преследованиями и угрозами, прямыми и скрытыми, со стороны неизвестных лиц или людей, связанных с силовыми структурами, такими

как полиция, спецслужбы, прокуратура и следственные органы. Некоторые адвокаты, с которыми беседовали представители Amnesty International, ссылались на конкретные случаи в качестве примера такого давления, другие говорили об общей атмосфере устрашения, в которой им приходится работать.

Для многих из них давление и устрашение проявлялись в виде угроз, как прямых, так и анонимных или переданных через знакомых. Анонимные угрозы нередко приобретали довольно часто используемую, как представляется, форму на Северном Кавказе – завуалированных намеков, которые часто передаются адресату устно и не напрямую, например, через коллег или родственников, а также иногда через «доброжелательных» чиновников. Нередко угрозы выглядят как дружеские, благожелательные предупреждения. Несмотря на такую форму, для адвокатов, с которыми беседовали представители Amnesty International, не оставалось никаких сомнений, что по сути это были именно угрозы, имевшие придержать или отбить желание у адвоката выстраивать слишком активную защиту доверителя в конкретном деле, либо быть слишком активным защитником в определенного рода уголовных делах в принципе.

Адвокаты из разных республик Северного Кавказа рассказывали Amnesty International, что они получали подобные «дружеские» предупреждения, как правило, от неназванных «доброжелательных источников», через своих родственников (но чаще всего дальних), знакомых и коллег. Не единожды доводилось слышать от адвокатов в Чечне о получении подобных посланий через родственников, а также о завуалированных предупреждениях от сотрудников прокуратуры.[65] Один адвокат процитировал слова районного прокурора, произнесенные во время неофициального обсуждения дела, в котором он защищал подозреваемого участника незаконного вооруженного формирования. «Ты не понимаешь, в какое время мы живем? Ты что, не знаешь, что у нас по дорогам ездить небезопасно?» Другой адвокат также говорил о подобных завуалированных угрозах, например: «Ты за семью не беспокоишься?»

Многие северокавказские адвокаты, с которыми беседовали представители Amnesty International, жаловались на то, что их работа может быть крайне тяжелой психологически. Наиболее частой упоминаемой причиной развития чувства глубокого разочарования и бессилия они называли отсутствие независимости судов и нарушение принципа верховенства права в целом. Многие отмечали, что перед лицом вопиющих нарушений права на справедливое судебное разбирательство со стороны разных участников уголовного процесса – представителей дознания и следствия, гособвинения и самого суда – ни обычная тактика защиты, ни поиск ее новых форм, ни глубокое знание законов и процессуальных норм все равно не оставляют даже шанса на справедливость.[66]

Несколько адвокатов в разговоре с Amnesty International выразили прямую обеспокоенность судьбой своих подзащитных в связи со своими активными действиями в качестве защитника. Некоторые боялись, что положение их подзащитных может в результате только ухудшиться, что угрозы со стороны сотрудников правоохранительных органов могут быть реализованы, и потом, в отсутствие адвоката, их доверитель столкнется с (повторными) пытками и иными формами жестокого обращения, а также что действия защитника могут привести в итоге к более суровому приговору и другим последствиям. Как рассказала в качестве примера один адвокат, подзащитный уверял ее, что невиновен, но что ему угрожали, что он заплатит жизнью, если откажется сотрудничать со следствием, и что даже если он будет оправдан, то его убьют во время спецоперации. Он спросил: «Вы мне дадите гарантию, что я останусь жив?» «А кто я такая, чтобы давать ему такие гарантии?» – сокрушалась адвокат.[67]

Неоднократно и в разных республиках Северного Кавказа Amnesty International приходилось слышать истории об адвокатах, которые решили или полностью сосредоточиться на гражданских делах, или вообще оставить свою профессию, после того как испытали разочарование в системе, ее способности вершить справедливое правосудие, и поняли, что принцип верховенства права – во всяком случае на Северном Кавказе – это не более, чем иллюзия.

Адвокат Ева Чаниева, работающая в Кабардино-Балкарии, рассказала Amnesty International о деле, в котором ей пришлось сменить свою коллегу, молодого адвоката, незадолго до того сдавшую квалификационный экзамен.[68] 20 февраля 2012 года ее коллега вступила в дело в качестве защитника мужчины, задержанного ранее в тот же день по подозрению в незаконном хранении огнестрельного оружия и нелегальных веществ. Адвокат в первый раз увидела своего подзащитного в кабинете дознавателя. Он плохо себя чувствовал и жаловался на то, что сотрудники правоохранительных органов надели ему мешок на голову, избили и пытали электрическим током (бригада скорой помощи, которая была вызвана в тот же день, подтвердила, что полученные им травмы согласуются с его жалобами). Когда начался его допрос в присутствии адвоката, некие вооруженные люди в масках вошли в комнату и оставались там на протяжении всего допроса, длившегося несколько часов. Они открыто угрожали подозреваемому, и говорили ему, в чем он должен сознаться. Адвокат пыталась не допустить их вмешательства,

но безуспешно. Ее подзащитный отказывался делать какие-либо признательные показания, и продолжал настаивать на том, что его пытали. Было очевидно, что продолжать допрос не имело смысла, но адвокат боялась его окончания, опасаясь, что как только она уйдет, подозреваемого продолжат пытать. По словам Евы Чаниевой, эта коллега звонила ей несколько раз за тот вечер. Она была глубоко потрясена тем, что ей пришлось увидеть и пережить – человека, подвергшегося пыткам, и запугивание со стороны вооруженных людей в масках в ходе допроса – и поняла, что она не в силах продолжать работать по этому делу. «С меня достаточно. Я не представляю, как я могу продолжить работать над этим делом. Я насмотрелась ужасов на год вперед», - передает ее слова Ева Чаниева, которая сменила ее на следующий день. На основании жалобы, которую Ева Чаниева подала в прокуратуру от имени подзащитного, 24 мая 2012 года было заведено уголовное дело в отношении сотрудников Центра по борьбе с экстремизмом по обвинению в пытках. Однако 24 декабря 2012 года в соответствии с решением следователя дело было приостановлено с связи с невозможностью установить личности сотрудников в масках.

Во многих интервью, проведенных Amnesty International с адвокатами, работавшими по делам лиц, которым были предъявлены обвинения по так называемым «политическим» и «военным» статьям Уголовного кодекса, и стремившихся активно защищать своих подзащитных согласно профессиональному долгу и этике, говорилось о том, что приходится сталкиваться с давлением и личными рисками. Как пояснил один адвокат из Ингушетии, который по его словам предпочитает не браться за «политические» и «военные» дела в своей республике: «Здесь есть адвокаты, несколько человек, в Ингушетии – я думаю, что они находятся в опасности. Потому что я знаю, что их отношение, их позицию по делам здесь не разделяют [представители госструктур]. Здесь есть одна установка – здесь нужно сажать, взрывать, похищать…» Затем, чтобы пояснить свою мысль, он добавил: «Если б Наташа не писала, то она была бы жива».[69] Он говорил о правозащитнике Наталье Эстемировой, известной на всем Северном Кавказе своей работой по разоблачению серьезных нарушений прав человека со стороны сотрудников правоохранительных органов. Она была похищена неизвестными недалеко от своего дома в Грозном (Чечня) 15 июля 2009 года и найдена мертвой в тот же день в соседней Ингушетии. Ее убийцы так и не были найдены.[70] Наталья Эстемирова, в числе прочих, была упомянута в резолюции Парламентской Ассамблеи Совета Европы (ПАСЕ) как одна из «правозащитников, адвокатов и журналистов, которые трудятся в сложных условиях, зачастую рискуя своей жизнью, чтобы помочь жертвам добиться справедливости и изобличить виновных».[71]

Под «политическими» и «военными» статьями Уголовного кодекса собеседники Amnesty International понимали статьи, связанные с террористической деятельностью, созданием и участием в незаконных вооруженных формированиях, незаконным приобретением и передачей оружия и взрывчатых веществ, и вооруженными нападениями на правительственные учреждения и должностных лиц, а также обычных граждан[72] (в Чечне к числу «политических» причисляли также преступления, связанные с наркотиками). Таким образом, это статьи, чаще всего применяемые в контексте борьбы против терроризма и защиты безопасности на Северном Кавказе. Согласно утверждениям адвокатов, опрошенных Amnesty International, в подобных делах на всех участников судебного разбирательства оказывается особенно сильное давление с целью добиться вынесения обвинительного приговора. Как отметил один из адвокатов, «некоторые судьи признаются в частных беседах, пожимая плечами, что другого решения они вынести не могут, даже если понимают, что дело сфабриковано. То есть они фактически признают, что не способны вынести объективное, самостоятельное решение по таким делам».[73]

В этот контекст вовлечен весь аппарат правоохранительной системы, включая его наиболее скрытные элементы – полиция, включая такие подразделения Министерства внутренних дел как Центр по борьбе с экстремизмом, спецслужбы и иногда представители военных ведомств.[74] Amnesty International за годы работы зафиксировала множество нарушений прав человека, включая насильственные исчезновения, незаконное содержание под стражей и содержание под стражей без связи с внешним миром (инкоммуникадо), внесудебные казни, пытки и иные формы жестокого обращения с подозреваемыми.[75] Адвокатам, работающим по уголовным делам, неизбежно приходится вступать в конфронтацию с мощными правоохранительными структурами, действующими в целом регионе. Как поясняет приведенная выше цитата адвоката из Ингушетии, принявшего решение не браться за «военные» и «политические» дела в республике, эти структуры вызывают страх в связи с нарушениями прав человека, в том числе похищениями и убийствами, которые, как свидетельствует Amnesty International, остаются безнаказанными.[76] Адвокаты, выступающие защитниками в уголовных делах, оказываются в неравных условиях, а с учетом неэффективности системы правосудия и безнаказанности за нарушения прав человека,[77] они к тому же и сами оказываются беззащитными и подвергаются значительной опасности. Для адвокатов, работающих на Северном Кавказе по подобным делам, возможности выполнять свой профессиональный долг в обстановке «свободной от угроз, препятствий, запугивания или неоправданного вмешательства» не существует.[78]

Об устрашении и давлении на адвокатов со стороны сотрудников системы уголовного правосудия сообщалось не только с Северного Кавказа, но из других регионов Российской Федерации, в том числе в публикациях Amnesty International (например, в рамках уголовного дела против Михаила Ходорковского и Платона Лебедева[79]). Бывший Специальный докладчик по вопросу о независимости судей и адвокатов Леандро Депуи отметил в своем докладе после визита в Российскую Федерацию в мае 2008 года, что «существует тенденция отождествлять адвокатов с интересами и деятельностью их поручителей. В связи с этим Специальный докладчик также получил сведения о конкретных случаях, когда должностные лица запугивали защитников в уголовных процессах».[80] Данная проблема широко обсуждалась многими, в том числе самими российскими адвокатами. Среди огранизаций, которые высказывали глубокую озабоченность этим вопросом, была и Федеральная Палата Адвокатов.[81] ФПА сообщает, что по всей Российской Федерации адвокаты регулярно становятся жертвами давления и нарушений со стороны сотрудников правоохранительных органов, а в последние годы наблюдается рост подобных случаев. Сюда входят и обыски используемых адвокатами кабинетов, и изъятие документов без соответствующего решения суда, как того требует российский закон, и вызовы адвокатов на допросы в качестве свидетелей в рамках дел, по которым они выступают в качестве защиты. ФПА отмечает, что подобные вызовы делались «как правило, с целью вывести адвоката из уголовного процесса» или, чтобы получить какие-либо свидетельские показания против их подзащитных. По сведениям ФПА чаще всего за подобными инцидентами стоят представители органов дознания и органов следствия МВД РФ, а также следователи следственных подразделений Следственного комитета России или ФСБ. По сведениям ФПА число подобных инцидентов в последние годы значительно выросло.[82]

В числе российских юристов, поднявших эту проблему как общенациональную, председатель Независимого экспертно-правового совета Мара Полякова. 1 февраля 2011 года она обратилась к президенту Дмитрию Медведеву и Совету при президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека[83] с результатами опроса 1400 адвокатов из всех регионов Российской Федерации. Многие из опрошенных жаловались на то, что сотрудники следственных органов все чаще пытаются допрашивать адвокатов в качестве свидетелей с целью вывести адвоката из дела. Она также отметила, что в 2010 году было несколько фактов избиения адвокатов сотрудниками следственных органов в Дагестане, Иркутстке, Челябинске, Тамбове, Калининградском регионе, Приморском крае и Туве. Адвокаты жаловались на проведение обысков в их жилых и служебных помещениях без судебного решения, а также случаи незаконного вторжения туда сотрудников правоохранительных органов.

Как показано ниже, Amnesty International получила множество заслуживающих доверия подтверждений тому, все упомянутые ФПА, Марой Поляковой и многими другими комментаторами виды нарушений часто имеют место на Северном Кавказе. В своей совокупности эти нарушения приводят к тому, что адвокаты на Северном Кавказе вынуждены работать в обстановке, в которой существуют угрозы, препятствия, запугивания и неоправданное вмешательство, что противоречат международным нормам и не позволяют им осуществлять свою профессиональную деятельность надлежащим образом.

«Обвинительный уклон» российской системы уголовного правосудия

«Адвокатам приходится работать не только против обвинения, а бороться со всей системой, чтобы добиваться справедливости и правды»

Магамед Абубакаров, в интервью Amnesty International, 8 июня 2012, Нальчик, Кабардино-Балкария

Многие адвокаты рассказывали Amnesty International об искаженном восприятии со стороны представителей системы уголовного правосудия, в особенности сотрудников правоохранительных органов, роли защитника в уголовном процессе, что отчасти обусловлено тем, как устроена вся система уголовного правосудия: по словам адвокатов, она изначально нацелена на вынесение обвинительных приговоров, и оправдательный приговор воспринимается системой как сбой, и, следовательно, является исключением из общего правила. Эта проблема широко обсуждается в российском юридическом сообществе. Доклад по этой проблеме, опубликованный Федеральной Палатой Адвокатов в 2009 году, отмечал, что согласно официальной статистике среди всех приговоров, вынесенных судами первой инстанции в 2007 году, оправдательные составили только 0.8%. Более того, 37% из числа оправдательных

приговоров в последующем были отменены в кассационном порядке.[84] ФПА подчеркивает, что оправдательные приговоры в России отменяются в 18 раз чаще обвинительных. Это, по мнению ФПА, наглядно показывает, что судьи расценивают оправдательные приговоры как «брак»: «отмена приговора до сих пор расценивается как «брак» в их [судей] работе, который может повлечь за собой неблагоприятные последствия» – делает вывод автор доклада ФПА. С момента публикации доклада ситуация не изменилась. Более того, это настолько известная и широко признанная проблема в России, что нынешний президент, а тогда премьер-министр, Владимир Путин написал в статье, опубликованной в феврале 2012 года, в разделе, посвященном развитию судебной системы: «Главный вопрос — ярко выраженный обвинительный, карательный уклон в нашей судебной системе».[85]

Выводы ФПА и замечание Путина подтверждают и авторы доклада, опубликованного в 2012 году Институтом проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге, объясняя глубоко институализированную природу «обвинительного уклона» российского правосудия:

> *В качестве «брака» традиционно рассматривается любая ситуация, когда ошибка одной инстанции выявлена следующей. К примеру, оправдательный приговор будет рассматриваться не как свидетельство добросовестной работы судьи, обнаружившего ошибку следователя и гособвинителя, и не позволившего совершиться несправедливому обвинению …, а как свидетельство брака (или коррупции) в работе правоохранительных органов. Права на добросовестную ошибку … для обвинения здесь не предусмотрено. Обвинение в результате вынуждено добиваться обвинительного приговора любой ценой. […] в некоторых случаях даже единичный «сбой», однако, является поводом к дисциплинарным санкциям, вне зависимости от общих показателей (*[например,] *оправдательный приговор для гособвинителя…)… Так, оправдательный приговор в суде будет основанием для дисциплинарных санкций не только для гособвинителя, но и для следователя и оперативного работника.*[86]

Такие же наблюдения регулярно приводились адвокатами с Северного Кавказа в интервью Amnesty International. Все они констатировали, что работа всего аппарата системы уголовного правосудия – органов охраны правопорядка, следствия и прокуратуры, и даже суда – сейчас нацелена на вынесение обвинительных приговоров и в максимальной степени избежание оправдательных. Эти наблюдения и статистика обвинений наводят на вопрос о том, была ли в каждом отдельном деле вина осужденного доказана настолько, что она не вызывала разумного сомнения, и был ли в действительности соблюден принцип презумпции невиновности обвиняемого.

По словам нескольких опрошенных адвокатов, из неофициальных бесед с сотрудниками прокуратуры и суда становится ясным, что система допускает только небольшое количество «сбоев» в виде оправдательных приговоров в год, после чего следуют дисциплинарные санкции или неофициальные негативные последствия, сказывающиеся на карьере. Один адвокат упомянул случай, когда прокурор неофициально попросил его как защитника не препятствовать некоторому затягиванию процессуальных действий на месяц с тем, чтобы решение суда пришлось уже на следующий год. Таким образом, потенциальный оправдательный приговор будет «засчитан» ему как гособвинителю в качестве «неудовлетворительного показателя» уже в счет следующего года.[87]

Очевидно, что когда защита добивается оправдательного приговора, или в результате действий защиты происходит иной «сбой» (например, частичное оправдание по нескольким ключевым обвинениям или возвращение дела на дальнейшее расследование), и когда это становится возможным благодаря выявлению адвокатом в ходе судебного разбирательства ошибок и серьезных недочетов следствия и обвинения, то для самого адвокатов это может закончиться серьезными неприятностями. Это может отразиться на их карьере или жизни в целом, как, например, в приведенном ниже случае с Ларисой Дороговой, которой после серии угроз пришлось приостановить свою адвокатскую практику в Кабардино-Балкарии. Когда адвокаты, работающие по сложным, значимым делам, оказываются в ситуации конфронтации с влиятельными правоохранительными органами, они нередко сталкиваются с чрезвычайно серьезными рисками, угрозами и давлением, или даже более серьезными последствиями. Несколько случаев, приведенных в этом докладе, иллюстрируют данную ситуацию – это дела адвокатов, которые в течение своей карьеры боролись, и порой выигрывали трудные судебные битвы с представителями системы уголовного правосудия, и впоследствии или уже во время процесса подвергались угрозам и давлению. Неудивительно, что некоторые адвокаты на Северном Кавказе предпочитают не браться за наиболее «деликатные» («политические» или «военные») дела. И такие решения уже сами по себе негативно отражаются как на правах лиц,

находящихся под следствием или на скамье подсудимых, так и в целом на ситуации с правами человека в регионе.

Дисциплинарное производство как форма давления на адвокатов

В условиях «обвинительного уклона» российской системы правосудия и с учетом широких возможностей правоохранительных органов, вовлеченных в борьбу с преступностью на Северном Кавказе[88], адвокаты, работающие по «политическим» и «военным» делам в регионе, невольно оказываются в ситуации конфронтации с представителями правоохранительных структур и системы уголовного правосудия в целом. Работа таких адвокатов представляет помеху или неудобство с точки зрения этих структур, и зачастую высвечивает нарушения прав человека со стороны их сотрудников. Как следствие, они неизбежно встречают противодействие на всех уровнях системы уголовного правосудия. Нередко оно выражается в попытках со стороны сотрудников следствия, прокуратуры, а иногда и суда, добиться возбуждения дисциплинарного производства в отношении конкретного адвоката и исключения его из адвокатуры. И если некоторые из выдвинутых против некоторых из адвокатов обвинений могут быть обоснованы, то во многих случаях это не так, и направлены они против адвокатов, честно выполняющих свой профессиональный долг, что привносит свою лепту в общую обстановку давления, в которой приходится работать адвокатам на Северном Кавказе. «Основные принципы, касающиеся роли юристов» гласят, что юристы не должны подвергаться «судебному преследованию и судебным, административным, экономическим или другим санкциям за любые действия, совершенные в соответствии с признанными профессиональными обязанностями, нормами и этикой».[89]

Адвокатская палата, являясь самоуправляемым профессиональным объединением, - это единственный орган, который может лишить адвоката его статуса.[90] Таким образом, соответствующие жалобы направляются в Адвокатскую палату, членом которой является соответствующий адвокат. Председатель адвокатской палаты рассматривает ее и либо отказывается начать дисциплинарные слушания (что требует определенной смелости, если жалоба поступила от должностных лиц из правоохранительных органов), либо возбуждает дисциплинарное производство. В последнем случае квалификационная комиссия рассматривает дело в присутствии адвоката, чье дело обсуждается, и принимает решение в соответствии с Кодексом профессиональной этики адвоката. Адвокатская палата может применить три меры дисциплинарной ответственности: замечание, предупреждение и прекращение статуса адвоката.

В каждой из республик Северного Кавказа Amnesty International довелось беседовать с адвокатами, работающими по уголовным делам, на которых, по их словам, сотрудники следствия, прокуратуры и судьи направляли жалобы в адвокатскую палату. Один адвокат в Чечне рассказал Amnesty International, что некоторое время назад он получил «дружеский совет» от коллеги-адвоката не браться за одно дело. Он не прислушался ни к совету коллеги, ни к последующему неофициальному совету от сотрудника Министерства Юстиции, после чего Министерство Юстиции направило в адвокатскую палату представление о лишении его адвокатского статуса на основании того, что к моменту сдачи квалификационного экзамена в середине 2000-х годов он будто бы не прошел обязательную двухлетнюю практику. Со словам адвоката, что в его личном деле была справка о прохождении практики, но она могла быть потеряна. В послевоенной Чечне адвокатская палата размещалась в двух-трех маленьких комнатах. Позже она переехала в нынешнее здание, но при переезде некоторые документы были потеряны или перепутаны.[91] В этом конкретном случае к адвокату никаких санкций не применили. Многие другие адвокаты в Чечне могли бы тоже столкнуться с той же проблемой и угрозой лишиться адвокатского статуса, хотя, насколько известно, этого ни разу не происходило, чему, возможно, причиной было то, что это затронуло бы слишком многих чеченских адвокатов.

Адвокаты из соседних республик рассказали Amnesty International об аналогичных случаях, которые обычно были связаны с их работой по «политическим» и «военным» делам.

НЕОДНОКРАТНЫЕ ПОПЫТКИ ВОЗБУЖДЕНИЯ ДИСЦИПЛИНАРНОГО ПРОИЗВОДСТВА В ОТНОШЕНИИ АДВОКАТА

Батыр Ахильгов, член Адвокатской палаты Ингушетии, принимавший участие в нескольких известных уголовных процессах в Ингушетии, Северной Осетии и Кабардино-Балкарии, неоднократно становился объектом жалоб в Адвокатскую палату со стороны сотрудников прокуратуры и судьи, и при этом был лишен возможности оспорить их обоснованность.

Батыр Ахильгов рассказал Amnesty International, что вскоре после окончания одного из громких процессов против предполагаемых членов незаконного вооруженного формирования[92], в котором он участвовал как защитник некоторых из подсудимых, прокуратура направила жалобу на него в Министерство юстиции Ингушетии, которое, в свою очередь, подало жалобу в адвокатскую палату. Работники прокуратуры утверждали, что Батыр Ахильгов проявил неуважение к гособвинению в суде, и в качестве доказательства к жалобе прилагался протокол судебных заседаний. В протоколе были подчеркнуты несколько фраз и выражений из выступления адвоката, где он говорил о несостоятельной и ошибочной позиции обвинения или проводил параллели между данным судебным разбирательством и судебными процессами сталинских времен. Кроме того, хотя жалоба основывалась на протоколах судебных заседаний, которые суд предоставил прокуратуре, сам Батыр Ахильгов так и не получил свою копию протоколов. Слушания закончились в апреле 2012, но даже через два месяца, когда адвокат давал интервью Amnesty International, у него все еще не было этих документов на руках.

Одновременно в адвокатскую палату поступила еще одна жалоба от судьи из Владикавказа (Северная Осетия), где Батыр Ахильгов работал по другому громкому делу.[93] В рамках этого дела адвокат обратился с несколькими жалобами в местный суд по поводу нарушений прав своего подзащитного во время следствия. В ответ судья подал жалобу в адвокатскую палату о том, что Батыр Ахильгов не присутствовал на заседаниях суда, где должны были быть рассмотрены его жалобы. Согласно российскому законодательству, жалобы этого рода могут рассматриваться в отсутствие заявителя. Тем не менее, по словам Батыра Ахильгова, он отсутствовал на заседаниях только потому, что о них он не был своевременно уведомлен. Судья раз за разом посылал ему извещения о предстоящих заседаниях слишком поздно, всего за два или три дня, в то время как почте требуется как минимум неделя на то, чтобы доставить соответствующее письмо из Владикавказа в город Назрань (Ингушетия), где проживает адвокат. Более того, несмотря на неоднократные просьбы адвоката предоставить ему копии жалоб, он их не получил, и, следовательно, не мог их оспорить до начала дисциплинарного производства.

Ко времени написания этого доклада ни одна из жалоб в отношении Батыра Ахильгова не привела к наложению дисциплинарного взыскания, поскольку адвокатская палата не нашла в его действиях нарушений норм, законов или Кодекса профессиональной этики адвоката. И хотя эти жалобы в результате не повлияли на его адвокатский статус, Батыр Ахильгов в интервью Amnesty International отметил, что они отняли у него много времени, и как минимум в этом отношении существенно сказались на его профессиональной деятельности.

ГЛАВА 3. ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ БАРЬЕРЫ МЕЖДУ АДВОКАТОМ И ДОВЕРИТЕЛЕМ

Препятствия в вопросах доступа адвоката к доверителю и подачи жалоб

Согласно российскому законодательству, каждый имеет право на немедленный и беспрепятственный доступ к защитнику с момента фактического задержания (УПК РФ, статья 49.3(3)) и на конфиденциальные свидания с защитником, в том числе до первого допроса (УПК РФ, статья 47.4(9)). Международные законы и стандарты содержат такие же гарантии.[94] Соблюдение конфиденциальности особенно важно, и общение между задержанным и его адвокатом может происходить на виду у сотрудников правоохранительных органов, но без возможности быть услышанными.[95] Выполнение этого правила имеет ключевое значение для последующей защиты задержанного и эффективного соблюдения его прав.

Человек, содержащийся под стражей, уязвим для различных форм давления и жестокого обращения, и эффективный доступ к адвокату имеет огромное значение. Зелимхан Читигов, молодой человек, которого похитили в доме его матери в Ингушетии силовики в масках, продержали четыре дня в неустановленном месте с завязанными глазами, и подвергали многократным и продолжительным избиениям, пыткам электрическим током, подвешивали к металлической решетке и применяли другие виды пыток, полагает, что его жизнь спасло именно появление адвоката. Его рассказ (записанный журналистом, точность которого сам Зелимхан Читигов подтвердил в интервью Amnesty International[96]) дает представление о физическом насилии и устрашении, которым может подвергнуться задержанный с целью заставить его отказаться от услуг адвоката или ограничить их общение. В приведенной ниже выдержке из интервью Зелимхан Читигов рассказывает о том, что с ним происходило в отделе внутренних дел города Карабулак, куда его доставили из неустановленного места на четвертый день после похищения:

> *Увели меня в другую комнату. Там начальник уголовного розыска, Ведижев Идрис, и с ним еще один, в маске. Положили белый листок, ручку: «Пиши на имя начальника ГОВД Карабулака, что ты отказываешься от адвоката». «Ага! — это мне уже замкнуло в голове: если он говорит «адвокат», значит, есть вероятность, что меня не убьют». Я говорю: «Не буду писать». Он начал меня избивать. Об стенку бьет — я падаю, опять поднимает, об стенку голову бьет, по башке этой бутылкой минеральной бьет. Шнуром от компьютера душат, бьют им по лицу. […]*
>
> *Утром завели к дознавателю. Она сидит злая, печатает, говорит: «Сейчас адвокат придет…» Я обрадовался: отец, мать, хозяйка узнают, что я живой! «Она ихняя. Если ты сделаешь, что она говорит, тебе крышка. Не слушай ее, не говори, что тебя пытали. Если скажешь, тебя убьют».*
>
> *А я же не знал все эти вещи: адвокат, статья — вообще в жизни не сталкивался. И я ей верю — я же не знаю, кому верить. Пришла девушка: «Я адвокат…» Я лицо опустил на руки, следы от наручников курткой прикрыл. Она начала что-то говорить — я плохо слышу, молчу. «Все в порядке?» Я головой кивнул. Говорить не могу — промычал.*[97]

Зелимхан Читигов говорит, что от дальнейшего насилия его спасло появление адвоката. Российская правозащитная организация Комитет «Гражданское содействие» писала о том, что «все, кто помогал Зелиму, получали в свой адрес угрозы», и отдельно отметила встречу между адвокатом Марьям Эсмурзиевой и являвшимся на тот момент начальником ГОВД города Карабулак, который, как сообщалось, сказал ей: «Жалею, что не убил его. Если не хочешь, чтобы твои дети остались сиротами, оставь это дело. Мало ли что может случиться, может и машина переехать».[98]

Подозреваемый не только должен иметь доступ к адвокату, но адвокат должен присутствовать во время любого допроса.[99] Это имеет первостепенное значение особенно в ситуации, когда, как в случае республик Северного Кавказа, пытки и иные виды жестокого обращения имеют широкое распространение. Из этого региона регулярно поступают сообщения о том, что дознаватели и следователи оказывают давление на задержанных с тем, чтобы они либо совсем отказались от защитника, как в случае с Зелимханом Читиговым, либо от конкретного адвоката.[100] Действительно, несколько адвокатов рассказали Amnesy International о подобных случаях. Когда подозреваемый отказывается от услуг конкретного адвоката, адвокат обязан согласно закону и Кодексу профессиональной этики адвоката принять эту позицию как осознанный выбор

доверителя,[101] а также согласиться с тем, что доверитель может не раскрывать причины своего решения, хотя иногда и может объяснить их конфиденциально. В одном громком деле, которое проходило в Нальчике, один из обвиняемых в частном разговоре извинился перед адвокатом за то, что отказался от ее услуг и указал в письменном отказе, что был недоволен ее работой. «Это неправда, но я написал это, чтобы выжить. Пожалуйста, не обижайтесь,» - так, по словам адвоката, он объяснил свои действия.[102] Несмотря на то, что адвокат, если он считает, что его подзащитный подвергался принуждению, может опротестовать это решение, аргументируя это тем, что он действует в интересах подзащитного, на практике это сделать чрезвычайно сложно, и это может серьезно навредить подзащитному, в особенности учитывая множество подтвержденных случаев применения пыток и жестокого обращения на Северном Кавказе.

Другая распространенная форма нарушения прав подозреваемого – и о чем часто жаловались практически все адвокаты, с которыми общались представители с Amnesty International – это отказ, или фактический отказ, в доступе к подзащитному со стороны представителей дознания или следствия во время предварительной стадии расследования. Европейский Комитет по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (ЕКПП) неоднократно обращал особое внимание на то, что «наибольший риск запугивания и жестокого обращения возникает в период, непосредственно следующий за лишением свободы», и именно поэтому так важны гарантии незамедлительного доступа к адвокату и контакта с семьей и внешним миром.[103] Как подчеркнул ЕКПП, «как следствие, возможность для лиц, находящихся под стражей в полиции, иметь доступ к адвокату является основополагающей гарантией против жестокого обращения. Наличие такой возможности будет иметь сдерживающее влияние на тех, кто настроен на жестокое обращение с задержанными. Кроме того, адвокат имеет реальные возможности предпринять соответствующие действия в том случае, если жестокое обращение действительно имеет место».[104]

Несколько адвокатов, выступающих защитниками подозреваемых по «политическим» и «военным» статьям УК, сообщали Amnesty International, что и им, и семьям подозреваемых, неоднократно и часто отказывали в информации о местонахождении подзащитного в течение длительного периода времени после задержания – речь шла о периоде времени от нескольких часов до суток или даже нескольких дней.[105] Обычно именно в это время – которое часто является временем, проведенным подозреваемым в руках полиции перед тем, как его переведут в следственный изолятор (СИЗО), а в некоторых случаях сообщается и первых днях в СИЗО – на подозреваемого, согласно утверждениям местных адвокатов, оказывается самое сильное давление, включая физическое насилие и угрозы,[106] чтобы сломить задержанного морально и заставить подписать признательные показания или дать показания против других лиц. Такие показания, как подробнее объясняется ниже, могут быть подписаны недобросовестным адвокатом (см. «Наложение дисциплинарного взыскания на адвоката за принятие на себя роли защитника без согласия подозреваемого», ниже).

Отказ в доступе к подзащитному, или отказ в немедленном и беспрепятственном доступе, может продолжиться и после окончания допросов подозреваемого. Например, один адвокат в Кабардино-Балкарии подробно объяснила Amnesty International, насколько проблемным может быть для адвоката получение свидания с подзащитным, содержащимся под стражей. В Нальчике в следственном изоляторе (СИЗО), фактически единственным всю республику (есть еще один, но небольшой, в Каменке), есть только пять следственных кабинетов. Это единственные помещения, где адвокат может встретиться с задержанным подзащитным конфиденциально. На данный момент только по одному делу в этом СИЗО содержится 56 подсудимых («Нальчикское дело»), помимо подозреваемых и подсудимых по другим уголовным делам. Следует отметить, что эти же пять кабинетов, насколько известно, используются и дознавателями и следователями, когда им необходимо провести следственные действия с участием подозреваемых, содержащихся под стражей. Во время перерыва на обед, который зачастую объявляется в полдень, если не раньше, все посетители, включая адвокатов, вынуждены покинуть здание и вернуться обратно в 14 часов, чтобы заново встать в очередь на использование следственного кабинета; а потом их просят покинуть здание в 17 часов, хотя официально рабочий день заканчивается в 18.00, – посетовала адвокат.

> *«Мы просто вынуждены нарушать права своих подзащитных. … Например, у моего подзащитного сегодня истекает срок обжалования на постановление суда. Я хочу подать жалобу от его имени. Но из-за СИЗО не успеешь – а потом не докажешь. Очередь в СИЗО никак не фиксируется – ты вообще никогда не докажешь, что ты вообще там стояла. Не успела – все, до свиданья. … Я видела десятки таких возмущенных адвокатов… Это отражается на правах человека. Если вы пожалуетесь, дежурный ответит, что это внутренний распорядок, и все жалобы и протесты следует направлять начальнику СИЗО – но тот же дежурный офицер не пропустит вас к нему. А позже, на суде, вы никогда не докажете, что это не ваша ошибка, что вы там не могли присутствовать и пропустили срок обжалования».*[107]

Другие адвокаты, с которыми разговаривали представители Amnesty International в Нальчике, подтвердили, что в СИЗО часто можно видеть длинную очередь адвокатов, которые стараются увидеться со своими подзащитными. Если очередь особенно длинная, то адвокатам иногда приходится ждать снаружи, под открытым небом.

Вне зависимости от того, является ли эта система преднамеренной преградой для адвокатов, работающих по уголовным делам, или же непредумышленной административной помехой, она сказывается на возможности подозреваемых/подсудимых видеться со своими защитниками, что является их прямым правом согласно международному и российскому праву. И если некоторые задержки в свидании с защитником допускаются международным правом, то лишь в исключительных обстоятельствах, когда судебные или иные органы считают это необходимым для поддержания безопасности или правопорядка. КПП указывает, что любая отсрочка в свидании с адвокатом должна быть установлена и обоснована в каждом конкретном случае. КПП выступает против систематических отсрочек в свиданиях подозреваемого с адвокатом по определенным категориям правонарушений, включая преступления, подпадающие под антитеррористическое законодательство. КПП подчеркивает, что лица, подозреваемые в совершении особо опасных преступлений, могут быть более других подвержены риску жестокого обращения и более других нуждаться в доступе к защите.[108] Европейский суд по правам человека пришел к аналогичным выводам.[109] Адвокаты, с которыми разговаривали представители Amnesty International, в большинстве своем работали защитниками по так называемым «политическим» и «военным» делам, и, соответственно, их подзащитным были предъявлены обвинения в терроризме или сопутствующих серьезных преступлениях.

Многие адвокаты, в том числе в других северокавказских республиках, жаловались на схожие проблемы. Например, адвокат в Черкесске (Карачаево-Черкесия) рассказала Amnesty International, что ей отказали во встрече с подзащитным, когда она пришла в СИЗО вместе с его матерью для свидания с ним. Следователь сказал юристу, что ее адвокатского ордера (это короткий документ, выдаваемый соответствующим адвокатским образованием и требующийся по закону для того, чтобы адвокат имел право представлять подзащитного[110]) не достаточно, потому что он якобы «неправильный» и она должна предъявить договор с семьей подзащитного. Закон ясно указывает, что «никто не вправе требовать от адвоката и его доверителя предъявления соглашения об оказании юридической помощи... для вступления адвоката в дело».[111] Необходимо отметить, что именно мать подозреваемого, присутствовавшая там же во время этого разговора, была доверителем, нанявшим адвоката. Тем не менее, отсутствие оригинала договора было использовано в качестве предлога для незаконного отказа адвокату в доступе к подзащитному. Она не смогла увидеть подзащитного в тот день, и ей пришлось вернуться на следующий.[112]

Некоторые адвокаты жаловались, что в ряде случаев власти отказывались говорить им, как и родственникам, где именно содержался их подзащитный. Подобные жалобы приходилось наиболее часто слышать, хотя и не только там – во Владикавказе (Северная Осетия), где существует не одно место для содержания подозреваемых под стражей. Как выразился один местный адвокат, сам в прошлом следователь: «они прячут людей – ни найти, ни освидетельствовать. Следователь говорит тебе: “Не знаю, где он сидит, – вот приведут, тогда сообщу”».[113] Ряд других адвокатов на Северном Кавказе говорили Amnesty International, что, по их мнению, это зачастую умышленная тактика, используемая властями для того, чтобы минимизировать или просто предотвратить контакты между адвокатом и подзащитным во время важнейшей стадии дознания и следствия. В некоторых случаях это означает, что заключенного содержат под стражей без связи с внешним миром (инкоммуникадо).[114] Еще один адвокат из Владикавказа объяснил, что даже у него, местного адвоката знакомого с местными ведомствами и местами содержания под стражей, бывают трудности, и что ему жаль адвокатов из Ингушетии, не знакомых с местными реалиями (следует пояснить, что многие подозреваемые в участии в незаконных вооруженных формированиях в Ингушетии содержатся под стражей в Северной Осетии, и их семьи предпочитают нанимать ингушских адвокатов). «Бывает, что и мне не скажут, где он [мой подзащитный]. Но я работаю по какому-нибудь другому делу в каком-нибудь отделе – зайду, пройдусь по этажам, как ни в чем не бывало, и найду».[115] Адвокат в Черкесске (Карачаево-Черкесия), отметил, что он тоже использовал этот способ, чтобы найти, по крайней мере, одного из своих подзащитных. Следуя закону, ни у одного из этих адвокатов не должно было быть никакой необходимости прибегать к подобной тактике.

НЕОДНОКРАТНЫЙ ОТКАЗ АДВОКАТАМ И СЕМЬЕ В ИНФОРМАЦИИ О МЕСТОПРЕБЫВАНИИ ЗАДЕРЖАННОГО

Исса Хашагульгов был задержан 25 сентября 2010 года, и с тех пор его неоднократно этапировали из одного места содержания под стражей в другое, при этом отказывая его близким и адвокатам в информации о его новом местопребывании на период от нескольких часов до почти двух недель.[116]

Исса Хашагульгов, житель ингушского города Карабулак, был задержали 25 сентября 2010 года по подозрению в причастности ко взрыву 9 сентября 2010 года во Владикавказе в Северной Осетии, в результате которого 19 человек погибли и более 160 получили ранения.[117] Два дня его семья ничего не знала о его местонахождении. На протяжении этого времени родственники связывалась с полиций, прокуратурой и другими правоохранительными структурами, однако все эти ведомства отказывались подтвердить, что он находился у них. Лишь 27 сентября ФСБ проинформировала средства массовой информации о том, что Исса Хашагульгов содержится в СИЗО «Лефортово» в Москве. 12 октября 2010 года директор ФСБ Александр Бортников заявил, что Исса Хашагульгов являлся организатором теракта – сам Исса Хашагульгов, по словам его адвокатов, последовательно отвергал это обвинение. 28 октября 2010 года Хашагльгову были предъявлены обвинения в организации незаконного вооруженного формирования и хранении оружия (но не в организации теракта).

В начале апреля 2011 года адвокатам Хашагульгова в Москве – тем, которые прежде имели возможность с ним встречаться, – сообщили, что его перевезли во Владикавказ, но позже появилась информация, что он все еще находился в Москве. Однако когда один из адвокатов попытался увидеться с ним в СИЗО Лефортово, ему, по имеющимся сведениям, во встрече отказали. Родственники Хашагульгова запросили информацию о его местонахождении у ингушских властей, но, насколько известно, также не получили определенного ответа. Журналисты связались с СИЗО во Владикавказе, но им ответили, что его там нет. [118] Лишь 14 апреля 2011 один из адвокатов Иссы Хашагульгова смог удостовериться, что он находился в СИЗО Владикавказа. Во время двух этих периодов, когда отсутствовала информация о местопребывании Иссы Хашагульгова, родственники опасалась, что он подвергается пыткам или иным видам жестокого обращения с целью принудить его к признанию. Жена Иссы Хашагульгова сообщила Amnesty International, что, по свидетельству одного из адвокатов, встречавшегося с ним, ночью 19 января 2012 года его перевезли из камеры в неизвестное место, избили и угрожали дальнейшим насилием, чтобы принудить его к самооговору на предстоящем перекрестном допросе с другим подозреваемым по делу. После этого Amnesty International разговаривала с одним из адвокатов Иссы Хашагульгова, который сказал, что к его подзащитный жаловался на пытки и иные виды жестокого обращения, и что ему было отказано в медицинском освидетельствовании, на котором он настаивал, чтобы документально зафиксировать полученные травмы.

6, 7 и 8 февраля 2012 года адвокатам Иссы Хашагульгова неоднократно отказывали во встрече с ним, когда его в дневное время суток перевозили из владикавказского СИЗО в изолятор временного содержания (ИВС) МВД РФ. Адвокатов подзащитного не уведомляли о его перемещениях, а сам подозреваемый не имел возможности сообщить об этом родственниками и адвокатам. Более того, адвокатам было отказано в возможности встречи с подзащитным в ИВС, где дежурный требовал предъявить подписанное следователем разрешение на посещение (что являлось незаконным требованием, но которое, однако, по имеющимся сведениям, используется и в других регионах РФ[119]). На время написания доклада Исса Хашагульгов оставался в предварительном заключении.

Amnesty International часто получает сообщения о подобных инцидентах со всего Северного Кавказа, хотя в большинстве случаев местонахождение задержанного остается неизвестным для родственников и адвокатов в течение одного – трех дней, несмотря на законное право каждого на немедленный и беспрепятственный доступ к защитнику с момента фактического задержания.[120] Согласно Декларации о защите всех лиц от насильственных исчезновений и другим международным нормам, информация о задержании и местонахождении задержанного должна становиться доступной без задержки, а сам задержанный имеет право уведомить об этом своих родственников и друзей, либо их должны об этом уведомить власти.[121] Именно в этот период времени задержанный подвергается наибольшему риску пыток и иных видов жестокого обращения.[122] В докладе «Российская Федерация: Замкнутый круг несправедливости: Спецоперации и нарушения прав человека в Ингушетии»[123] Amnesty International документально засвидетельствовала, что подобные нарушения прав заключенных не расследуются эффективно и беспристрастно, и, соответственно, эта практика беспрепятственно продолжается, а люди,

содержащиеся под стражей, так и остаются без доступа к эффективным средствам защиты своих прав. Многие заключенные содержатся в таких условиях более длительное время, что, по сути, является их насильственным исчезновением.[124]

Адвокаты также сообщали об административных препонах, которые призваны воспрепятствовать подаче жалобы на подобные действия от имени подзащитных, невозможность найти своих подзащитных и другие процедурные нарушения со стороны сотрудников дознания и следствия. В частности в Нальчике (Кабардино-Балкария) и во Владикавказе (Северная Осетия) в качестве такого препона использовалась незамысловатая бюрократическая уловка: следственная группа, работавшая над раскрытием ряда громких преступлений, совершенных членами незаконных вооруженных формирований, направлялась в республику из другого региона (из Ессентуков в Ставропольском Крае), где она номинально продолжала базироваться. Любой документ, такой как жалоба, которую адвокат хотел направить следователям из этой группы и их непосредственному руководству – в том числе тем, с кем адвокат виделся лично практически ежедневно – должен был быть послан почтой в Ессентуки, потому что, как говорилось адвокатам, у следственной группы отсутствовала собственная канцелярия, и якобы поэтому никто не мог принять и зарегистрировать соответствующую жалобу.[125]

Предоставление защитника государством и практика недобросовестной защиты

«Главное препятствие в работе адвоката – это адвокат по назначению, который работал до него»

Адвокат Майран Цоппоев, в интервью Amnesty International, Владикавказ, Северная Осетия, 9 июня 2012 года

Каждый человек имеет право на получение квалифицированной юридической помощи и свободный выбор защитника для представления его интересов в ходе судебного разбирательства. В Российской Федерации подозреваемый, обвиняемый может непосредственно заключить соглашение с адвокатом (или с несколькими адвокатами), либо от его лица это могут сделать другие – например, родственники (УПК, статья 50.1). Профессиональная юридическая помощь может стоить дорого, и положения УПК дают возможность любому человеку, находящемуся под стражей либо представшему перед судом, получить правовую помощь вне зависимости от материального положения и других обстоятельств, посредством предоставления защитника государством. Государственный защитник (часто называемый «адвокатом по назначению») может быть обеспечен подозреваемому и обвиняемому дознавателем, следователем или судьей. По данным ФПА, как минимум в 60% всех уголовных дел подозреваемых или обвиняемых представляют адвокаты по назначению.[126]

Согласно российскому законодательству, показание, данное в отсутствии защитника и не подписанное им, не может быть принято судом, если обвиняемый отказывается его подтвердить во время судебного разбирательства (УПК, статья 75.2 (1)). Эта правовая норма – важная мера, призванная оградить обвиняемого или подозреваемого от пыток и иных видов жестокого обращения. Она лишний раз подчеркивает значимость защитника с точки зрения соблюдения права подсудимого на справедливое судебное разбирательство и других прав человека, гарантированных подозреваемому.

Согласно закону, адвокат по назначению обязан исполнять свой профессиональный долг точно так же, как и адвокат, привлеченный к защите в частном порядке. В соответствии со статьей 7.1(4) федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре», каждый адвокат должен соблюдать Кодекс профессиональной этики адвоката. Та же статья 7 указывает, что адвокат должен честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя. Статьи 8 и 9 Кодекса профессиональной этики адвоката указывают, что каждый адвокат должен выполнять свои профессиональные обязанности честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно, и активно защищать права, свободы и интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством средствами, руководствуясь Конституцией Российской Федерации, законом и самим Кодексом.[127] Аналогичным образом и «Основные принципы» устанавливают, что все адвокаты должны «сохранять честь и достоинство, присущие их профессии, как ответственные сотрудники в области отправления правосудия» и должны всегда «строго соблюдать интересы клиентов» и оказывать им помощь «любыми доступными средствами».[128]

В законе «Об адвокатской деятельности и адвокатуре» также есть специальные положения, относящиеся к защитникам в уголовном судопроизводстве по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда. Статья 7.1(2) обязывает адвоката по назначению «исполнять требования закона об обязательном участии адвоката в качестве защитника в уголовном судопроизводстве». Статья 31.3(5) оставляет на усмотрение адвокатской палаты разработку порядка оказания юридической помощи адвокатами, участвующими в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда. Как пояснили делегатам Amnesty International северокавказские адвокаты, на практике это означает, что составляется график дежурств, который определяет, какое из местных адвокатских образований в какой очередности предоставляет адвокатов для оказания соответствующих услуг. Соответственно, если требуется защитник по назначению, органам следствия или суду надлежит связаться с местной адвокатской палатой, которая в свою очередь передает этот запрос в конкретное адвокатское образование, и соответствующий дежурный адвокат вступит в дело.

На практике же, как следовало из многих интервью, полученных Amnesty International у северокавказских адвокатов, эта система соблюдается далеко не всегда. Нередки случаи, когда дознаватель или следователь обращается к конкретному адвокату напрямую и приглашает его вступить в дело в качестве защитника конкретного подозреваемого по назначению. Эта практика вызывает тревогу среди широкого круга адвокатов во всех северокавказских республиках: многие из опрошенных Amnesty International адвокатов утверждали, что они регулярно сталкивались со случаями, когда сотрудники следствия изначально обращались к тем адвокатам, со стороны которых они могли ожидать лояльный подход и готовность не замечать процессуальных и иных нарушений, включая во многих случаях применения пыток и иных форм жестокого обращения.[129]

На эту проблему обратил внимание Комитет ООН против пыток в Заключительных замечаниях по пятому периодическому докладу Российской Федерации, принятых Комитетом в 2012 году. Комитет отметил «многочисленные случаи, когда лицам, лишенным свободы, было отказано в доступе к адвокату под надуманными предлогами, в том числе … сообщения о том, что назначенные адвокаты выполняют свои профессиональные обязанности недобросовестно и не обеспечивают своим клиентам даже минимально приемлемую защиту».[130] Европейский Комитет по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания после посещения Северного Кавказа в мае 2011 года также отметил это явление в качестве постоянной проблемы:

> *Даже начиная с момента составления протокола задержания многие задержанные были представлены назначенными адвокатами, некоторые из задержанных утверждали, что им не предоставляли возможности связаться со своими адвокатами в течение определенного периода времени (как правило, вплоть до подписания задержанным лицом признательных или иных показаний).*
>
> *Как неоднократно бывало и раньше, делегация выслушала многочисленные жалобы на качество работы назначенных адвокатов и на их недостаточную, по утверждению жалующихся, беспристрастность; по мнению большинства опрошенных делегацией лиц, содержащихся под стражей, эти адвокаты сотрудничают с полицией и/или следователями.*[131]

Когда подозреваемый подписывает показания против своей воли, но которое подписывается таким адвокатом, прокуратура и суд придерживаются мнения, что все правовые требования во время предварительного следствия были соблюдены, и такое «доказательство» принимается судом в качестве допустимого. К тому времени, когда дело передается в суд, уже чрезвычайно трудно или невозможно доказать, что эти показания были получены с применением пыток или иных форм жестокого обращения, учитывая во внимание, что на допросе присутствовал адвокат. В связи с этим, когда впоследствии в суде подсудимый заявляет о применении пыток, судья часто не предпринимает действий по установлению обоснованности таких заявлений.[132]

Отчасти проблема заключается в том, что многие адвокаты не заинтересованы в участии в уголовном судопроизводстве в качестве защитника по назначению, и из интервью, полученных Amnesty International, следует, что многие адвокаты стараются избежать работы по назначению, если это возможно. Работа в качестве адвоката по назначению часто рассматривается в качестве хлопотной, нарушающей привычный режим работы и влияющей на другие планы, и плохо оплачиваемой в сравнении с частной практикой, а бюрократические хлопоты и задержки, связанные с оформлением выплаты вознаграждения со стороны госорганов представляются воспринимаются как дополнительные трудности.[133] С другой стороны, Amnesty International доводилось слышать, что для некоторых адвокатов, особенно тех, у кого нет стабильного дохода от частной практики, работа по назначению становятся привлекательным способом обеспечить себе регулярный доход. Однако стабильность такого заработка зависит от того, насколько

регулярно адвокат привлекается для работы по назначения, что, в свою очередь, по словам адвокатов, опрошенных Amnesty International, зависит от сохранения хороших отношений с соответствующими дознавателями, следователями и другими сотрудниками госорганов. А это чрезвычайно опасно в ситуации, когда пытки и иные формы жестокого обращения применяются широко,[134] и приводит только к тому, что применять их становится еще легче.

Следует отметить, что Уголовно-процессуальный кодекс РФ не ставит назначение адвоката государством в зависимость от материального положения подозреваемого или иных подобных условий (статья 50). Согласно многочисленным сообщениям, полученным Amnesty International с Северного Кавказа, это положение закона используется сотрудниками следствия как способ обойти меры, призванные предотвратить пытки и иные формы жестокого обращения, закрепленные в российском законодательстве. Несмотря на то, что далеко не все адвокаты по назначению недобросовестно защищают своих доверителей (и есть множество свидетельств со всего Северного Кавказа о делах, в которых адвокаты по назначению эффективно защищали своих доверителей, как во время следствия, так и во время судебных слушаний), адвокаты из региона сообщают о многих случаях подобного подхода, включая даже указания на фактическое сотрудничество адвоката по назначению со следствием.

Amnesty International довелось выслушать многочисленные жалобы, касающиеся адвокатов по назначению в «политических» и «военных» делах. «Адвокат по назначению здесь – что есть, что нет» - поделился своей оценкой ситуации в Чечне Дмитрий Утукин, член Сводной мобильной группы российских НКО.[135] Сами адвокаты высказываются еще жестче: с их точки зрения беспринципные защитники, которые по факту не занимают позицию, отличную от позиции следствия, не только лишают подозреваемых права на правовую защиту и эффективное представительство в ходе уголовного процесса, но и наносят существенный вред всей системе уголовного правосудия в целом. Пользуясь словами одного адвоката из Карачаево-Черкесии, который выразил мысль, прозвучавшую со стороны многих адвокатов в регионе, это «люди, которые откровенно вредят и адвокатскому сообществу, и вообще вредят самому правосудию».[136]

Адвокаты, с которыми разговаривали делегаты Amnesty International, отмечали, что такие случаи встречаются чрезвычайно широко. Однако, учитывая уязвимое положение людей, еще находящихся под следствием, приводимые конкретные примеры взяты из уголовных дел прошлых лет, хотя по существу ситуация нисколько не изменилась. Так, например, в деле о физическом нападении и уголовном преследовании адвоката Ирины Кодзаевой (см. ниже) ее клиент предположительно подвергся давлению и вынужден отказаться от ее услуг и услуг другого адвоката (якобы потому что он был недоволен тем, как адвокаты осуществляли его защиту, постоянно конфликтуя со следователями группы и препятствуя своевременному проведению следственных действий) и согласиться на адвоката по назначению. По словам Ирины Кодзаевой, ее подзащитный жаловался ей на избиения и угрозы жизни, которые он получал, находясь под стражей. В одной из жалоб по поводу уголовного преследования ее самой (в котором адвокат по назначению был одним из свидетелей против нее) Ирина Кодзаева ссылается на официальные материалы дела, содержание которых ставит под сомнение, действовал ли адвокат по назначению в интересах подзащитного и добросовестно ли он исполнял свои обязанности. Так из одного документа, подписанного адвокатом по назначению, следовало, что 28 августа 2007 года подзащитный и адвокат ознакомились с уголовным делом (это формальная процедура, требуемая по закону, и время ее фиксируется[137]), и их соответствующая встреча закончилась в 13.20. Однако согласно другому документу, подзащитный не выводился в тот день из ИВС до 14.00, и, таким образом, первый документ фиксировал процедуру, которая не могла происходить в тот день в присутствии самого подзащитного.

Следующая цитата – это выдержка из решения Северо-Кавказского военного окружного суда 2004 года, приведенная в одной из публикаций Федеральной палаты адвокатов. Она касается уголовного дела, которое слушалось в Грозненском гарнизонном военном суде и в котором адвокат открыто выступил в суде против своего подзащитного, и даже просил суд приговорить того к двум годам тюрьмы, что противоречило позиции самого обвиняемого, настаивавшего на своей невиновности. Этот случай не единичен, и адвокаты со всего Северного Кавказа неоднократно утверждали в интервью Amnesty International, что это серьезная проблема всего региона. Они рассказывали, что были и другие случаи, когда вынесение обвинительного приговора было обусловлено непредоставлением эффективной защиты со стороны беспринципных адвокатов, но в которых, в отличие от приведенного ниже примера, обвинительные приговоры не были отменены.

> *В судебном заседании подсудимый З. виновным себя не признал и в соответствии со статьей 51 Конституции РФ отказался давать показания по существу предъявленного обвинения. Однако защитник - адвокат Г. эту позицию своего*

подзащитного не поддержал. Более того, в прениях защитник заявил, что, несмотря на непризнание З. своей вины, она полностью доказана, и просил суд назначить подсудимому наказание в виде 2 лет лишения свободы в колонии-поселении. Подсудимый З. после выступления защитника в последнем слове просил суд не лишать его свободы.[138] [Орфография оригинала сохранена]

В этом случае Северо-Кавказский окружной военный суд решил направить дело на новое судебное разбирательство. Однако вызывает крайнее беспокойство, что во время первого разбирательства в Грозном судья не высказал никаких возражений по поводу поведения защитника, которое очевидно противоречило российскому закону, международным нормам и праву обвиняемого на справедливое судебное разбирательство. Согласно международному праву, обвиняемый должен быть обеспечен эффективной защитой в суде, и государство может понести ответственность за нарушение этого требования, в особенности если защита обеспечивалась адвокатом по назначению.[139]

В одном известном деле из Ингушетии, касавшемся нескольких лиц, подозревавшихся в участии в незаконном вооруженном формировании, подсудимый Мурат Эсмурзиев был арестован в сентябре 2005 года, а месяц спустя он написал заявление о замене нанятого родственниками адвоката на адвоката по назначению, что, как сообщалось, он был вынужден сделать под принуждением. Уже на следующий день после первого допроса с участием нового адвоката Мурат Эсмурзиев был госпитализирован, и ему потребовалось срочное хирургическое вмешательство в связи с полученными серьезными травмами внутренних органов.[140] Следует отметить, что его жалобы на пытки во время предварительного следствия не были расследованы, а в последующем жалобы в суде были отклонены, и он был приговорен к 25 годам заключения за преступления, которые он отрицал. Он обжаловал решение суда, но приговор был оставлен в силе, и сейчас его заявление ждет рассмотрения в Европейском суде по правам человека.

В редких случаях к адвокатам, которые не исполняют должным образом свои профессиональные обязанности, могут быть применены дисциплинарные меры, как в приведенном ниже случае. Однако такие случаи, судя по интервью Amnesty International среди адвокатов на Северном Кавказе, являются скорее исключениями, чем правилом. Детали приведенного ниже случая доступны для цитирования именно потому, что дисциплинарные меры были применены, тогда как в большинстве случаев, о которых адвокаты сообщали Amnesty International, никаких дисциплинарных слушаний не проводилось.

НАЛОЖЕНИЕ ДИСЦИПЛИНАРНОГО ВЗЫСКАНИЯ НА АДВОКАТА ЗА ПРИНЯТИЕ НА СЕБЯ РОЛИ ЗАЩИТНИКА БЕЗ СОГЛАСИЯ ПОДОЗРЕВАЕМОГО

В конце 2008 года Адвокатская палата Кабардино-Балкарии возбудила дисциплинарное производство в отношении одного из своих членов за несоблюдение порядка оказания юридической помощи адвокатами, участвующими в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению органов предварительного следствия.

Дисциплинарное производство в отношении члена Адвокатской палаты КБР было возбуждено в связи с жалобой, поступившей от подозреваемого Р.К. Он заявил, что 6 октября 2008 года, когда он содержался в следственном изоляторе в соседнем регионе, сотрудник полиции из Нальчика прибыл для его допроса совместно с Б.И., адвокатом из Нальчика. Р.К. настаивал, что у него уже есть адвокат, имя которой он назвал, что и он не будет давать никаких показаний в ее отсутствие. Тем не менее, как заявил Р.К., его вынудили подписать протокол допроса, заранее подготовленный сотрудником полиции, так как он опасался вновь подвергнуться физическому насилию. Адвокат Б.И., по его словам, не выразила никакого протеста по этому поводу, а вместо этого молча подписала протокол и покинула помещение.

Во время дисциплинарных слушаний в адвокатской палате Б.И. признала, что она пришла на допрос к Р.К. по просьбе следователя, и что она не была в тот день на дежурстве. Однако она утверждала, что Р.К. не высказал возражений против того, чтобы она присутствовала в качестве его защитника, и не упоминал, что у него уже есть другой адвокат. Квалификационная комиссия постановила, что Б.И. нарушила нормы Кодекса профессиональной этики адвоката и порядок оказания юридической помощи адвокатами по назначению. Б.И. опротестовала это решение, но Совет палаты согласился с решением

квалификационной комиссии. Совет палаты отметил, что невозможно установить, насколько правдивы все утверждения Р.К., но согласился, что Р.К. уже имел соглашение с другим адвокатом из Кабардино-Балкарии до начала допроса, о чем следователь знал, и что Б.И. не была на дежурстве этот день. Адвокату было вынесено предупреждение.

В другой северокавказской республике Amnesty International стало известно об адвокате по назначению, который был изобличен своим бывшим доверителем, после того как этот адвокат был приглашен следователем вступить в дело и не выполнил свой профессиональный долг по отношению к подзащитному. Он был лишен статуса адвоката также за нарушение Кодекса профессиональной этики адвоката и неисполнение профессиональных обязанностей, что повлекло за собой нарушение права подозреваемого на эффективную правовую защиту. Дисциплинарное производство в отношении этого адвоката также было начало по заявлению подозреваемого. Заявитель был приглашен на дисциплинарные слушания. Во время слушаний адвокат неоднократно пытался спорить с человеком, приглашенным в качестве заявителя, и отрицал его обвинения. В это время другой человек заявил, что именно он являлся настоящим заявителем и, соответственно, подозреваемым в деле. В результате выяснилось, что адвокат вообще не знал в лицо «своего подзащитного», и подписал его показания, даже не присутствуя во время допроса.[141]

По словам опрошенных Amnesty Internationa адвокатов, случаи, когда адвокаты подвергались дисциплинарным взысканиям за неэффективную защиту или игнорирование нарушения прав своих доверителей, скорее являются исключением, нежели правилом.

ГЛАВА 4. УГРОЗЫ, УСТРАШЕНИЕ И УБИЙСТВО АДВОКАТОВ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

«Разве вы не знаете, в какое время мы живем?» Угрозы и устрашение адвокатов

«… если я делаю свою работу так, как я ее должен делать, то я уже раздражаю власть»

Батыр Ахильгов, адвокат из Ингушетии, в интервью Amnesty International, Назрань, 10 июня 2012 года

Как уже было отмечено выше, адвокаты на Северном Кавказе, а также в и других регионах Российской Федерации, оказываются в ситуации конфронтации со всей системой уголовного правосудия, которая изначально нацелена на вынесение обвинительных приговоров тем, кто попал на скамью подсудимых, в том числе с использованием пыток.[142] Для адвокатов, работающих на Северном Кавказе, очевидно, что добросовестное и полноценное выполнение ими своих профессиональных обязанностей подвергает их риску подвергнуться давлению и угрозам со стороны сотрудников правоохранительных органов и всей системы уголовного правосудия.

Опыт Amnesty International свидетельствует о том, что адвокаты на Северном Кавказе, как правило, предпочитают не жаловаться публично на угрозы и давление, которые поступают в их адрес со стороны сотрудников силовых структур. Однако исследования Amnesty International показывают, что адвокаты в регионе часто сталкиваются с такими угрозами и давлением. Иногда это происходит в виде анонимных «предупреждений» либо скрытых угроз от сотрудников правоохранительных органов, как уже пояснялось выше (см. Главу 2 «Атмосфера устрашения и давления, и ее влияние на работу адвокатов»). Сообщения о таких угрозах появляются крайне редко, отчасти потому что они чаще всего поступают анонимно и скрыто. Однако даже если угрозы были прямыми и личными, многие адвокаты, опрошенные Amnesty International, предпочитали не говорить об инцидентах, которые произошли лично с ними, и это несмотря на то, что большинство из них заверяли, что устрашения и угрозы, как анонимные, так и открытые, повседневно звучат в адрес их коллег. Отчасти это можно объяснить местным менталитетом, представлением о том, что мужчине не подобает говорить о чувстве страха. Как отметила ингушский адвокат Тома Цечоева, которая представляла Зелимхана Читигова в судебном разбирательстве по делу двух бывших сотрудников полиции (см. подробности выше): «У нас не принято говорить про давление, которое оказывается. Особенно ребята не хотят говорить».[143]

В тех случаях, когда прямые и личные угрозы исходят от сотрудников правоохранительных органов, официальные жалобы и требования расследовать факты соответствующих угроз и применить меры дисциплинарного воздействия или возбудить уголовное дело в отношении тех, кто решил прибегнуть к таким угрозам, представляются бессмысленным: в атмосфере безнаказанности может вовсе не дойти до расследования, а если оно и начнется, то вряд ли будет эффективным.[144] К тому же те, кто стоит за такими угрозами, имеет возможность их осуществить, в то время как адвокату придется сталкиваться с ними в ходе других дел. Как сказал один адвокат в разговоре с Amnesty International: «В Ингушетии я даже дела брать не решаюсь. Потому что здесь опасно. ….. В Ингушетии рассчитывать, что будет какая-то безопасность от руководства – это нереально».[145] Другой адвокат привел пример недавнего разговора с кем-то из персонала в суде в Северной Осетии, в котором проходило слушание уголовное дело с его участием. Собеседник сообщил адвокату, что некий сотрудник ФСБ якобы пытался узнать его данные у сотрудников суда, и посоветовал быть осторожным. На что сам адвокат задался вопросом, как он может быть осторожным. «Как я смогу от ФСБ защититься, если они захотят со мной что-то сделать?» - подытожил он.[146]

В редких случаях адвокаты предают огласке полученные угрозы, и требуют расследования в отношении соответствующих должностных лиц. Впрочем, подача официальной жалобы едва ли

позволяет на что-то надеяться, как показывает случай адвоката Рустама Мацева.

УГРОЗЫ В АДРЕС АДВОКАТА РУСТАМА МАЦЕВА СО СТОРОНЫ СОТРУДНИКА ПОЛИЦИИ

Адвокат Рустам Мацев работает в городе Нальчик (Кабардино-Балкария), в том числе по уголовным делам, в которых подозреваемые обвиняются в участии в незаконных вооруженных формированиях. В рамках многих из этих дел со стороны подозреваемых звучали заявления о применении к ним пыток и иных форм жестокого обращения со стороны сотрудников правоохранительных органов.

31 первого мая 2012 года Рустам Мацев прибыл в следственный изолятор Нальчика, чтобы присутствовать на допросе своего подзащитного. Ожидая привода подзащитного на допрос, адвокат находился в одном помещении с высокопоставленным сотрудником полиции. По словам Рустама Мацева (позже он предоставил властям запись этой беседы), сотрудник спросил его, зачем он «научил своего подзащитного врать» о том, что его похитили силовики в Пятигорске, что он подвергся избиениям и жестокому обращению со стороны полиции, и что уголовное дело против него было сфабриковано. Рустам Мацев ответил, что его подзащитный настаивает на правдивости своих утверждений. Тогда сотрудник предупредил самого адвоката: «В ходе проведения спецопераций по ликвидации членов незаконных вооруженных формирований мы также блокируем и адвокатов. Мы обязательно еще увидимся. Ходи всегда озираясь, так как мы следим за тобой и знаем все, что ты делаешь». Затем сотрудник полиции начал спрашивать адвоката, курит ли он, пьет ли алкоголь, и задавал другие неуместные вопросы, продолжая настаивать на том, что его подзащитный должен сознаться в преступлении, в котором его обвиняют. Рустам Мацев воспринял слова сотрудника как реальную угрозу своей жизни, а также угрозу фабрикации в отношении него уголовного дела.

Адвокат подал жалобу с изложением подробностей произошедшего. Четыре месяца спустя Рустам Мацев получил официальный ответ за подписью старшего сотрудника местного следственного управления Следственного Комитета, датированный 22 сентября 2012 года, информировавший адвоката об отказе открыть уголовное дело по факту получения им угроз. Следователь счел достаточными объяснения сотрудника полиции о том, что тот не делал никаких угрожающих замечаний, и пришел к выводу, что Рустам Мацев «неверно воспринял слова [сотрудника полиции], расценил их как угрозу, в то время как [сотрудник] в шуточной форме пытался изучить личность Мацева».

В контексте текущей ситуации на Северном Кавказе, и с учетом того, что многие адвокаты склонны считать, что в отношении их проводятся оперативно-розыскные мероприятия, едва ли стоит расценивать как преувеличение мнение Рустама Мацева о том, что в его адрес прозвучали недвусмысленные угрозы со стороны сотрудника полиции. Несколько адвокатов, опрошенных Amnesty International в регионе, высказали предположение, что они находятся под наблюдением со стороны оперативных служб, и некоторые были уверены, что их телефоны регулярно прослушиваются. По крайней мере два адвоката в Ингушетии заверили Amnesty International, что много раз во время поездок на машине они замечали следовавшие за ними незнакомые автомобили, особенно тогда, когда они ехали по делам, связанным с защитой лиц, подозреваемых в участии в незаконных вооруженных формированиях.[147] Эти не единичные случаи – многие адвокаты, правозащитники и другие люди, живущие на Северном Кавказе, придерживаются мнения, что они находятся под негласным наблюдением.

В соответствии с международными стандартами, правительство Российской Федерации должно «обеспечить условия, чтобы юристы могли выполнять все свои профессиональные обязанности в обстановке, свободной от угроз, препятствий, запугивания или неоправданного вмешательства».[148] Очевидно, что это требование не соблюдается в отношении адвокатов, работающих на Северном Кавказе. Один из них рассказал Amnesty International о том, что фактически ему и его семье довелось оказаться в центре спецоперации, когда сотрудники силовых ведомств провели обыск у него дома, при этом держа его и его близких под прицелом. Это произошло в 2008 году, но адвокат до сих пор пытается доказать незаконность проведения

обыска у него дома и привлечения к ответственности руководителей этой операции, хотя на успех рассчитывать ему не приходится.

НЕЗАКОННЫЙ ОБЫСК ДОМА И ОФИСА АДВОКАТА В ХАСАВЮРТЕ ВО ВРЕМЯ СПЕЦОПЕРАЦИИ

В июле 2008 года в доме адвоката Адильгерея Омарова и его жены, являющейся федеральным судьей, а также в его офисе, находящемся рядом, представители силовых структур провели незаконный обыск. С тех пор прошли годы, а адвокату по-прежнему не удается добиться привлечения ответственных к суду и удовлетворения его требований о компенсации.

В 5.45 утра 7 июля 2008 года около пятидесяти вооруженных людей, одетых в камуфляж, подъехали на трех бронетранспортерах и двух военных грузовиках к дому адвоката Адильгерея Омарова, расположенному на тихой улице в городе Хасавюрт (Дагестан). Шестидесятитрехлетний адвокат услышал, что кто-то бьет кувалдой по воротам, и поспешил их открыть. В открытые ворота забежали сотрудники силовых ведомств, повалили адвоката на землю и надели ему наручниками за спиной. Когда он попытался объяснить им, что он адвокат, и по закону в его доме не может проводиться обыск без решения суда, ему велели замолчать и не мешать. На протесты его жены, которая являлась федеральным судьей, и ее жилище также не могло подвергаться обыску, силовик тоже не обратили внимания. Двух их сыновей заставили лежать на полу лицом вниз, а ее пожилую мать, восьмидесятилетнюю женщину, держали под прицелом на протяжении почти всего обыска, который длился более двух часов. Ничего незаконного найдено не было, хотя во время обыска обнаружили зарегистрированное на покойного отца жены адвоката охотничье ружье, разрешение на которое истекло двумя годами ранее. Ружье конфисковали. Во время обыска жену Адильгерея Омарова, все еще одетую в ночную рубашку (переодеться ей запретили), на глазах у соседей проводили под дулом автомата к другому дому на той же улице, где располагался офис коллегии адвокатов, чтобы она могла забрать оттуда для мужа его очки для чтения. Пока силовики они были в офисе, они провели обыск и там. После обыска жена адвоката почувствовала себя плохо, и ей пришлось вызвать бригаду скорой помощи. Сотрудники службы скорой помощи диагностировали у нее артериальную гипертонию. На следующий день она почувствовала себя плохо на работе, и ей потребовалась госпитализация.

В ходе обыска руководивший им сотрудник ФСБ предъявил постановление о производстве обыска в случаях, не терпящих отлагательства. Он хотел видеть некоего человека, который не проживал по этому адресу, и распорядился прекратить обыск только после того, как стало совершенно очевидно, что такого человека там нет. Офицер ФСБ неоднократно проигнорировал протесты адвоката и судьи по поводу незаконности обыска, был груб, и в какой-то момент сказал, что им следует радоваться, что обошлось без крови.

8 июля 2008 года Советский районный суд города Махачкала рассмотрел жалобу по поводу проведения обыска и вынес решение, что он был незаконным. Это решение было оставлено в силе судебной коллегией по уголовным делам Верховного суда Республики Дагестан в решении от 4 августа 2008 года. Протест на это решение, заявленный заместителем прокурора Республики Дагестан, был рассмотрен и отклонен судьей Верховного Суда республики Дагестан 17 октября 2008 года.

Несмотря на это, власти отказались расследовать законность действий сотрудников ФСБ, ответственных за проведение обыска. В решении, датированном 20 октября 2008 года, рассматривавший жалобу военный следователь отказал в возбуждении уголовного дела. Он указал, что сотрудники, проводившие обыск, не были поставлены в известность о том, что в доме проживали адвокат и судья. Спустя несколько дней, во второй половине дня 25 октября 2008 года, около 15-20 одетых в камуфляж людей, некоторые из которых были в масках, приехали на ту же улицу и заняли позицию у дома адвоката, рядом с окнами. Они быстро уехали, ничего не предприняв, но только после того, как удостоверились,

находившиеся в тот момент в доме их увидели. Семья адвоката сочла этот инцидент акцией устрашения. От друзей им стало известно, что за период времени между обыском и этим инцидентом некие сотрудники силовых ведомств неофициально опрашивали их соседей и знакомых, пытаясь собрать какую-либо компрометирующую информацию о семье адвоката.

С этого момента дело приобрело новый поворот. Председатель Верховного суда Республики Дагестан рассмотрел надзорное постановление заместителя прокурора республики и отменил решение суда от 8 июля 2008 года, согласно которому обыск был признан незаконным, и направил дело в Президиум Верховного суда. Заместитель прокурора утверждал, что проводившие обыск имели основания полагать, что дом адвоката был домом кого-то другого, и что ни Адильгерей Омаров, ни его жена не поставили проводивших обыск сотрудников в известность, что они являются адвокатом и судьей. Омаров неоднократно пытался доказать, что эти утверждения, основанные на показаниях проводивших обыск сотрудников, являлись ложными, и приводил в доказательство своих слов показание свидетеля – вызванного на место во время обыска кинолога. Однако его доводы были отклонены, а доказательства, которые он представил, не учтены во всех последующих решениях суда, которые основывались на согласии с позицией заместителя прокурора республики.

20 ноября 2008 года Президиум Верховного суда республики отменил постановление суда от 8 июля 2008 года о признании обыска незаконным. Адильгерей Омаров обратился в суд с новым иском по поводу незаконного обыска. Сам Омаров и другой адвокат, представлявший его в этом деле, были в суде 23 января 2009 года и узнали от помощника судьи, что судья уже принял решение по иску еще утром и ушел домой. Позже Адильгерей Омаров получил решение судьи, признающее обыск законным и датированное 26 января 2009 года (которое, по мнению адвоката, является сфабрикованным, поскольку соответствующего судебного слушания в тот день не было). В дальнейшем это решение было оставлено в силе при рассмотрении апелляции 10 марта 2009 года, а 20 апреля 2009 года была отклонена последующая жалоба адвоката.

В основу этих последних судебных решений аналогичным образом легли показания сотрудника ФСБ, который руководил обыском, и «свидетелей» из числа проводивших его сотрудников, что адвокат и его жена не поставили их в известность о том, что являются адвокатом и судьей, и что как только они это сделали, обыск был прекращен. Напротив, все показания адвоката, его супруги и других членов семьи, а также свидетеля, привлеченного во время обыска в качестве эксперта-кинолога, были проигнорированы. Иные доводы и доказательства, представленные адвокатом в его многочисленных исках, были проигнорированы аналогичным образом. На время написания доклада адвокат все еще пытается добиться правосудия в этом деле – добиться признания обыска незаконным и привлечения к ответственности тех, кто им руководил.

Помимо нарушения закона, призванного обеспечивать защиту от подобных нарушений, этот случай наглядно демонстрирует проблему отсутствия средств правовой защиты для пострадавших от нарушений прав человека со стороны сотрудников правоохранительных органов.[149] Сами адвокаты, которые пытаются помочь жертвам таких нарушений, сталкиваются с теми же проблемами – эффективные средства правовой защиты не доступны им самим, и закон их также не защищает. Статус адвоката, знание законов и процедур, очевидно, не дает преимуществ, когда противостоять приходится сотрудникам силовых ведомств.

Угрозы членам семьи

«То, что по [этому] делу были угрозы... Да, угрозы были, я не отрицаю. Было не просто давление… Честно скажу, даже это давление бы меня не остановило… Но брат у меня один, младший. И если с ним что-то случится, я и сам себе не прощу, и никто меня не простит».

Адвокат из одной из северокавказских республик о решении выйти из дела после открытых угроз своему брату, интервью Amnesty International в июне 2012 года на условиях анонимности.

Вопреки обстановке и атмосфере, в которой работают адвокаты, Amnesty International встретилась со многими адвокатами на Северном Кавказе, которые продолжают работать по уголовным делам, связанным с «политическими» и «военными» преступлениями, и защищать подозреваемых добросовестно и не поступаясь профессиональной этикой и принципами. Это требует смелости и понимания, что регулярные угрозы в их адрес являются неизбежным следствием их работы.

УГРОЗЫ И ОТКАЗ АДВОКАТУ В ИНФОРМАЦИИ О РАССЛЕДОВАНИИ ПОДОЗРИТЕЛЬНОЙ АВАРИИ, В КОТОРОЙ ОН ПОЛУЧИЛ СЕРЬЕЗНЫЕ ТРАВМЫ

В декабре 2011 года адвокат из Нальчика был тяжело ранен в подозрительном дорожно-транспортном происшествии с участием полиции. И до, и после этого случая в его адрес поступали серьезные угрозы. Полиция отказалась проводить расследование по факту подозрительной аварии, и вопреки протестам адвоката не проинформировала его о результатах своей проверки обстоятельств этого происшествия.

Адвокат из Чечни Магамед Абубакаров работал последние годы по ряду резонансных дел в Кабардино-Балкарии. Он представлял жертв предполагаемых похищений людей сотрудниками правоохранительных органов и выступал в качестве защитника лиц, подозреваемых в участии в незаконных вооруженных формированиях и утверждавших, что обвинения против них были сфабрикованы, в том числе с помощью пыток и иных форм жестокого обращения. В рамках этих дел он активно протестовал против подобных нарушений и пытался привлечь виновных к ответственности, как с помощью правовых средств, доступных в России, так и посредством подачи жалоб от лица своих доверителей в Европейский суд по правам человека.

Магамед Абубакаров всегда открыто высказывался и в России, и за рубежом о ситуации с правами человека на Северном Кавказе, а также о преследованиях, давлении и угрозах, которым подвергаются адвокаты в регионе в связи со своей работой, в том числе о неоднократных случаях, касавшихся лично его.[150] Последним из таких случаев были угрозы, которые приходили в течение недели в адрес Магамеда Абубакарова, начиная с 6 февраля 2013 года, с неизвестного ему номера мобильного телефона. Отправитель требовал от Магамеда Абубакарова сказать, где он находится, и утверждал, что тому «не удастся спрятаться». Адвокат пытался перезвонить и писал текстовые сообщения на этот номер с предложением встретиться, но на его звонки и сообщения ответа не следовало. После того, как Магамед Абубакаров подал в полицию заявление об угрозах и указал в нем телефонный номер, с которого они приходили, он получил сообщение, написанное с использованием нецензурной лексики: «время … [разговоров] закончилось. в морге …. [будешь разговаривать]». 22 февраля 2013 года следователь полиции открыл уголовное дело по факту получения угроз по статье 119 Уголовного кодекса («Угроза убийством»). На момент подготовки доклада результаты расследования неизвестны.

Магамед Абубакаров рассказал Amnesty International и о ряде случаев, когда ему угрожали, а также о подозрительной автомобильной аварии, которая случилась в 2011 году. Поздним вечером 15 декабря Магамед Абубакаров передвигался один на машине, и был остановлен полицейской патрульной машиной, в которой находились несколько вооруженных сотрудников, большинство из них в масках. Они проверили его документы, а затем потребовали выйти из машины, направив на него автоматы, и велели открыть багажник. Адвокат подошел к багажнику, и как только он открыл его, на него сзади на высокой скорости наехал некий автомобиль. Пострадал только Магамед Абубакаров. У него была раздроблена кость одной ноги, получен перелом в другой, и адвокату пришлось провести несколько месяцев в больнице. Магамед Абубакаров изначально посчитал аварию простым стечением обстоятельств, хотя не мог исключить злого умысла. Водитель, ответственный за аварию, оставил ему свой номер телефона, но через некоторое время, когда Магамед выписался из больницы, перестал отвечать на его звонки.

По словам Магамеда Абубакарова, впервые сотрудник полиции опросил его об этом происшествии в середине февраля 2012 года, но его ни разу никто не известил о каких-либо результатах проверки обстоятельств этой аварии полицией. Когда он встретился с сотрудником полиции, который занимался проверкой, он узнал что уголовного дела по этому случаю заведено не было, якобы потому, что водитель наехавшей на него машины не нарушил никаких правил дорожного движения. Магамед Абубакаров запросил материалы проверки, но ему было отказано. Тогда он подал жалобу в прокуратуру города Нальчик по поводу этого отказа. Однако, несмотря на то, что, согласно российскому законодательству, каждое государственное ведомство обязано письменно отвечать на такие обращения в определенный срок, спустя длительное время по прошествии этого срока никакого ответа он так и не получил. Сам адвокат считает такую реакцию властей неприемлемой, а отсутствие ответа на его требование об ознакомлении с материалами проверки и неоднократные жалобы подозрительным. Подозрения в этом случае едва ли можно назвать необоснованными, учитывая многократно полученные адвокатом угрозы убийством.

Многие интервью, которые Amnesty International провела на Северном Кавказе с адвокатами, работающими по уголовным делам, свидетельствуют, что люди, избравшие эту карьеру и добросовестно выполняющие свои профессиональные обязанности, осознают связанный с этим определенный уровень личного риска, вызванный причинами, о которых уже шла речь выше. Многим, судя по их «послужному списку», довелось проявить заметное мужество и прийти к пониманию того, что этот риск является частью их работы. Однако у каждого адвоката есть одно особо уязвимое место – семья. И тут личное мужество уже не играет никакой роли. Проведенное Amnesty International исследование говорит о том, что члены семей адвокатов, работающих по «политическим» или «военным» делам, тоже могут становиться объектами угроз.

ДАВЛЕНИЕ НА АДВОКАТА И УГРОЗЫ В АДРЕС ЕЕ СЫНА

В 2008 году адвокат Лариса Дорогова, работавшая в это время по одному громкому делу в Кабардино-Балкарии, жаловалась на неоднократные случаи давления и угроз, которые поступили в адрес ее сына от неизвестных. Расследований так и не последовало.

В 2008 году в СМИ неоднократно появлялись сообщения о нескольких отдельных случаях давления и преследования, которым подверглась Лариса Дрогова, адвокат из Кабардино-Балкарии. В то время она работала по громкому делу, касавшемуся масштабного вооруженного нападения 13 октября 2005 года на силовые структуры города Нальчик. В открытом письме от 13 мая 2008 года на имя президента Кабардино-Балкарии Лариса Дорогова попросила о защите. Она жаловалась на то, что стала объектом постоянного давления со стороны прокуратуры в связи с ее работой, и неоднократно получала анонимные сообщения по электронной почте и письма с угрозами, начиная с февраля 2008 года.[151] В одно из писем, которое она получила в марте 2008 года, был вложен патрон от автомата Калашникова. Неизвестный отправитель цитировал Коран и утверждал, что авторы письма приняли решение ее убить. В интервью адвокат говорила о своей

уверенности с том, что за этими угрозами стоят сотрудники органов: «Мусульманам незачем меня убивать... Я никому из них ничего плохого не сделала. Эти письма, с одной стороны, - попытка запугать меня, с другой, - если со мной что-то случится, будет на кого свалить».[152]

По словам Ларисы Дороговой, 21 марта 2008 года прокуратура подала жалобу на адвоката и потребовала лишить ее адвокатского статуса «за недобросовестное отношение к своим профессиональным обязанностям» и за то, что она якобы выражалась нецензурными словами в адрес сотрудников СИЗО и угрожала им (позже жалоба была отозвана, после того, как органы следствия проверили утверждения о высказанных ею угрозах и отказались возбуждать уголовное дело). В том же открытом письме от 13 мая 2008 года она жаловалась, что за ее сыном следят незнакомые люди. Она также жаловалась, что 9 мая 2008 года четверо неизвестных остановили ее семнадцатилетнего сына неподалеку от их дома, заставили его сесть в машину без номерных знаков и продержали его там 7 часов, на протяжении которых возили в лес и по городу. Они расспрашивали его о работе его матери, людях, с которыми она встречается, и ее планах, и предупредили, что найдут его в любой момент. Лариса Дорогова направила жалобы в связи с этим инцидентом в адрес нескольких ведомств, включая ФСБ и президента республики, но органы следствия отказались возбуждать уголовное дело по факту случившегося якобы потому, что ее сын был возвращен родственникам. [153] По словам Ларисы Дороговой, ее сын покинул республику, поскольку семья опасалась за его безопасность, в то время как со стороны властей не последовали ни расследования инцидента, ни ответа на ее просьбу о защите.

Лариса Дорогова дала несколько интервью СМИ, в которых она связывала полученные ею и ее сыном угрозы со своей профессиональной деятельностью.[154] По словам адвоката, никаких мер по ее защите не было предпринято, даже после ее обращения к президенту республики с просьбой о защите.

В приведенном выше случае адвокат приняла решение предать огласке произошедшее с ее сыном, и подала официальные жалобы. Это не единственный из известных Amnesty International случаев, в котором объектом угрозы стал член семьи адвоката, на что указывает и цитата в начале этой главы; однако те, с кем разговаривали представители организации про угрозы в адрес родственников, просили не раскрывать подробности рассказанных ими случаев и не раскрывать те детали, по которым их можно было бы идентифицировать, из-за серьезных опасений по поводу безопасности. Amnesty International придерживается мнения, что опасения по поводу соответствующих рисков обоснованы.

Когда угрозы становятся реальностью: физическое насилие в отношении адвокатов

2010-й запомнится в Дагестане как год, в течение которого четыре адвоката подверглись физическому насилию. 9 апреля в центре столицы Дагестана Махачкале адвокат Сергей Квасов был жестоко избит неизвестными, приехавшими на двух машинах с тонированными стеклами.[155] Двое из нападавших были в масках. Квасов был госпитализирован с многочисленными травмами головы и тела, и перенес две хирургические операции. По этому нападению было возбуждено уголовное дело, но преступление так и не было раскрыто – личности преступников не были установлены, и уголовные обвинения никому предъявлены не были.

Три другие жертвы насилия в это год из числа адвокатов были женщинами: Сапият Магомедова (см. подробности ее случая выше, во Вступлении), Джамиля Тагирова и Зинфира Мирзаева.[156] Каждая из них подверглась насилию со стороны сотрудников полиции при исполнении служебных обязанностей, и каждое из нападений случились, когда адвокаты выполняли свои профессиональные обязанности по поручению своих доверителей. При этом возникают серьезные вопросы по поводу характера предпринятых по фактам заявлений адвокатов расследований, их эффективности и непредвзятости.

ЗАЯВЛЕНИЕ ОБ ИЗБИЕНИИ АДВОКАТА СЛЕДОВАТЕЛЕМ МВД В МАХАЧКАЛЕ

Согласно заявлению адвоката Джамили Тагировой, 2 июля 2010 года следователь МВД нанес ей несколько ударов кулаком в лицо в связи с ее попытками зафиксировать в протоколе нарушения, допущенные в ходе перекрестного допроса с участием ее подзащитного.

По словам дагестанского адвоката Джамили Тагировой, 2 июля 2010 года она подверглась избиению со стороны следователя МВД, находясь в Советском РОВД города Махачкала. После перекрестного допроса с участием ее подзащитного и его предполагаемой жертвы адвокат внесла замечание в протокол о том, что зафиксированные в нем показания потерпевшего были отражены неточно. Тогда следователь настоял на том, чтобы потерпевший написал возражения на ее замечания, и продиктовал, что именно тот должен написать. Тогда адвокат внесла новое письменное возражение, в котором указала, что потерпевший написал возражения под принуждением.

Согласно утверждению Джамили Тагировой, следователь ударил ее кулаком в лицо, потом одной рукой схватил за шею, а другой продолжил наносить удары. Amnesty International ознакомилась с копией медицинского заключения от 5 июля 2010 года, в котором зафиксированы травмы на лице и шее Джамили Тагировой, соответствующие характеру и времени ее предполагаемого избиения. Amnesty International также видела фотографии Джамили Тагировой, сделанные после описанного инцидента, на которых видны гематомы в области рта и шеи, которые также соответствуют травмам, описанным в медицинском заключении. [157] Amnesty International дважды обращалась в письмах к российским властям с призывом провести немедленное, тщательное, эффективное, независимое и беспристрастное расследование сообщения об избиении Джамили Тагировой следователем МВД в Советском РОВД города Махачкала. В ответ на первое обращение организация получила письмо от начальника отдела процессуального контроля Следственного комитета по Республике Дагестан, датированное 10 декабря 2010 года, который сообщал, что по заявлению адвоката было заведено уголовное дело в отношении следователя по статье 286 УК РФ («Превышение должностных полномочий»). Amnesty International в ответ направила еще одно письмо с просьбой сообщить организации о результатах расследования, но больше никакой информации не получила. Насколько Amnesty International известно, сотрудник полиции, на которого поступила жалоба со стороны адвоката, не был подвергнут дисциплинарным взысканиям или привлечен к уголовной ответственности, а само дело было закрыто.

Amnesty International неоднократно выражала обеспокоенность подобными случаями применения насилия в отношении адвокатов и неспособностью российских властей обеспечить им должную защиту, как того требует закон, и вынести соответствующее наказание виновным. Так, например, 7 октября 2010 года организация начала Акцию срочной помощи в поддержку адвоката Сапият Магомедовой, в отношении которой было начато уголовное преследование в связи с ее жалобами по поводу избиения в полиции (в основу его легла встречная жалоба против адвоката со стороны избивших ее полицейских, утверждавших, что она сама напала на них и нанесла им публичные оскорбления).[158] Адвокаты Дагестана отозвались коллективной забастовкой 1 ноября 2010 года в знак протеста против продолжающихся безнаказанных нападений на их коллег со стороны сотрудников правоохранительных органов. Это был первый раз, когда дагестанские адвокаты предприняли согласованные действия в защиту своих собственных прав. Впрочем, вопреки этой акции и многочисленным усилиям, предпринятым самой Сапият Магомедовой, чтобы добиться справедливости, дело против избивших ее сотрудников полиции в конечном итоге закрыто (см. подробности выше, во Вступлении). Более того, несмотря на то, что Сапият Магомедова указала в заявлении об избиении, что в нем участвовали пять или шесть сотрудников полиции, несколько месяцев спустя лишь четверо были установлены следствием в качестве подозреваемых. А к моменту, когда дело было закрыто, подозреваемых оставалось только двое – обвинения с двух других были сняты ранее, о чем сама потерпевшая узнала лишь впоследствии. Кроме того, против самой Сапият Магомедовой было заведено уголовное дело, которое было закрыто согласно тому же решению, согласно которому было закрыто и дело

против сотрудников полиции. В решении указывалось на то, что обвинения по каждому из дел были основаны на взаимоисключающих показаниях, и что устранить это противоречие путем следствия не представлялось возможным.

Описанные выше случаи – не единичные на Северном Кавказе. Не являются они и чем-то новым. Подобные случаи применения физического насилия в отношении адвокатов имели место и в других республиках региона в течении многих лет. Так, один адвокат из Карачаево-Черкесии рассказал Amnesty International, что в июне 2004 года на него набросились сотрудники полиции, когда он пришел в отдел внутренних дел, чтобы встретиться со своим подзащитным, находившимся там в тот момент под стражей. Он услышал как один сотрудник угрожал его подзащитному, чтобы тот не давал «не тех показаний» в присутствии адвоката. По словам адвоката, когда он выразил протест, на него набросились трое или четверо сотрудников и попытались вывернуть ему руки за спину и уложить его на пол, но он сумел вырваться. Адвокат подал официальную жалобу по поводу этого инцидента в прокуратуру, но получил только формальный ответ, в котором отрицался сам факт такого инцидента.[159]

Более того, из интервью, проведенных Amnesty International среди адвокатов по всему Северному Кавказу, выяснилось, что большинство из адвокатов, которым пришлось столкнуться с физическим насилием со стороны полиции или сотрудников других силовых структур, и особенно мужчины, которые избежали в итоге каких-либо травм, о самих инцидентах как правило вообще не сообщали. Помимо того, что жалобы по поводу физических стычек сами по себе считаются недостойными мужчин, они также исходили из того, что официальные жалобы только добавят проблем – и для них самих, и для их подзащитных – но в итоге ничего не решат. Их скептицизм не является безосновательным. Из всех случаев, с которыми детально ознакомилась Amnesty International и связанных с применением насилия в отношении адвоката со стороны сотрудников правоохранительных структур, ни в одном виновным не пришлось понести наказания, о чем лишний раз свидетельствует произошедшее с Ириной Кодзаевой.

ПРИМЕНЕНИЕ СИЛЫ В ОТНОШЕНИИ ИРИНЫ КОДЗАЕВОЙ И ЕЕ УГОЛОВНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ

Ирина Кодзаева, адвокат из Владикавказа (Северная Осетия), подверглась физическому насилию со стороны следователя, а также уголовному преследованию в связи с этим же инцидентом.

27 августа 2007 года Ирина Кодзаева попыталась встретиться с подзащитным, который ранее неоднократно жаловался на пытки и иные формы жестокого обращения со стороны следователей, а также на давление с целью заставить его подписать признательные показания и отказаться от ее услуг как адвоката.

Ирина Кодзаева была официально извещена, что ее подзащитный будет допрошен 28 августа 2008 года, но 27 августа она узнала, что следователи уже допрашивают его без присутствия адвоката. Она пришла к кабинету, где временно размещалась следственная группа, но внутрь, где проходил допрос ее подзащитного, адвоката не пустили. Ей было сказано, что подозреваемый отказался от ее услуг, и что соответствующее извещение было ей выслано по почте. Адвокат отказалась верить этому утверждению, и потребовала лично увидеться со своим доверителем, но входить ей запретили, и она почти час провела в проеме двери, ведущей в кабинет, вопреки требованиям и попыткам членов следственной группы заставить ее уйти. Она предупредила их о противозаконности их действий и правовых последствиях. В итоге, по словам адвоката, один из следователей подошел к ней, ударил ее в лицо, вытолкнул из дверного проема, а затем захлопнул дверь. Оставшись в коридоре, Ирина Кодзаева заплакала.

Адвокат зафиксировала следы физического насилия у врача, и подала официальную жалобу с требованием расследовать произошедшее. Месяц спустя она узнала, что следователь отказался начать расследование на основании ее заявления. Она несколько раз пыталась оспорить его отказ в суде. В первом случае владикавказский суд отказался принять к рассмотрению ее жалобу на том основании, что она якобы должна ее подать на

рассмотрение в другом регионе, по месту постоянного размещения следственной группы (группа была временно прикомандирована во Владикавказ). Все дальнейшие попытки адвоката обжаловать отказ проводить расследование, включая в Верховном суде Северной Осетии и в суде соответствующего другого региона, были безуспешны.

Вскоре следователь, ударивший Ирину Кодзаеву, пошел на повышение и был переведен в другой регион Российской Федерации. Он также подал встречную жалобу с утверждением о том, что это адвокат ударила его, и что в результате он получил сотрясение мозга. На основании его жалобы было открыто уголовное дело в отношении адвоката, и 20 мая 2008 года Ирине Кодзаевой было предъявлено обвинение по статье 318(2) УК РФ («Применение насилия в отношении представителя власти, опасного для жизни и здоровья»; наказывается лишением свободы на срок до 10 лет). В уголовном обвинении, утвержденном прокурором федерального уровня 11 июня 2008 года указывалось, что Ирина Кодзаева «осознавая общественную опасность своих действий и желая наступления общественно-опасных последствий», причинила телесное повреждение следователю, который находился при исполнении профессиональных обязанностей, которое стало причиной «телесного повреждения в виде легкой черепно-мозговой травмы». Соответствующий медицинский диагноз следователю был поставлен 28 августа на основании его устных жалоб, в которых он описал свои симптомы как головокружение и рвоту в предыдущий день, и покраснение щеки. Последующие заключения судмедэкспертов в деле полностью основывались на этом изначальном диагнозе, и описывали полученный следователем вред здоровью как «объективный», несмотря на тот факт, что у Ирины Кодзаевой было аналогичное медицинское заключение, фиксировавшее вред здоровью, причиненный ей. Предполагаемый потерпевший от рук адвоката объяснил следы травмы на ее лице тем, что в момент ее нападения он вытянул руку, чтобы закрыться от ее очередного удара, а она по инерции наткнулась на эту руку лицом.

Доказательства против Ирины Кодзаевой полностью основывались на этих медицинских заключениях и показаниях нескольких свидетелей, все из которых либо были коллегами ее предполагаемой жертвы (все те, согласно чьим показаниям адвокат применила физическое насилие в отношении следователя, были членами одной следственной группы) либо, по словам адвоката, не видели самого инцидента. Подзащитный Кодзаевой, с которым она пыталась встретиться, дал показания, что он действительно отказался от ее услуг. Значительно позже, когда он уже отбывал заключение, у него снова были взяты показания по этому же инциденту. На этот раз он отказался от своих прежних показаний и пожаловался на применение к нему пыток (завязывание глаз пластиковым пакетом, многократное и жестокое избиение, и угроза расстрелом), что, по его словам, и было причиной, по которой он подписал отказ от услуг Ирины Кодзаевой. Он также утверждал, что адвокат, назначенный ему следователями в тот день, пришел только к концу допроса, чтобы подписать протокол.

Почти два года спустя после этого инцидента, оказавшись перед риском приговора с назначением реального срока заключения, потерпев неудачу во всех своих попытках добиться справедливости и имея столь «неопровержимые» улики против себя, мать двоих маленьких детей Ирина Кодзаева согласилась отозвать свою жалобу и признать выдвинутые против нее самой обвинения как обоснованные. Это было условием закрытия дела против нее – надо полагать, единственное решение, которое позволяло избежать уголовной ответственности и лишения статуса адвоката. 16 апреля 2009 года суд Владикавказа постановил закрыть дело «в связи с примирением сторон».

Ценой жизни: убийство адвоката в ходе спецоперации

«Если б Наташа [Эстемирова][160] не писала, то она была бы жива. … Просто в какой-то момент уже перестаешь бояться. Просто уже понимаешь, что бессмысленно.»

Адвокат, который просил не называть его, интервью Amnesty International, Назрань, Ингушетия, июнь 2012 года

Принимая во внимание риски и угрозы, с которыми почти повседневно сталкиваются многие адвокаты на Северном Кавказе в ходе своей профессиональное деятельности, возникает понимание, за принципиальную профессиональную позицию они могут быть вынуждены заплатить самую высокую цену – заплатить своей жизнью.

Amnesty International стало известно о следующем случае, имевшем место в Чеченской Республике.[161] Чечня была последним регионом Российской Федерации, где ввели суд присяжных, в 2010 году. Эта мера немедленно вызвала дебаты, после того как первые же два судебных слушания с участием присяжных закончились оправдательными приговорами. Критике подвергся как сам институт присяжных, так и конкретные члены жюри присяжных. СМИ в то время широко приветствовали сам факт прихода суда присяжных в Чечню. Однако в прессе практически не было информации о реакции чеченских властей на результаты первых судебных процессов с участием присяжных и о том, как сложилась судьба членов жюри присяжных, хотя об этом в республике было хорошо известно. Редкое, если не единственное, упоминание об этом можно найти на официальном сайте Президента Российской Федерации, в стенограмме встречи Президента того времени Дмитрия Медведева с членами Совета по развитию гражданского общества и правам человека:

> *...после того, как 31 мая четыре молодых человека были полностью оправданы судом присяжных, руководство республики мало того что устроило разгон всей судебной системе, обвинив ее в том, что она не работает, – вывезли присяжных в лес и заставили искать этих четвертых... Адвокат одного из оправданных умер после угроз. Это был пожилой человек, я не могу сказать, что это непосредственно связано одно с другим, но вполне возможно, что это послужило толчком к обострению уже имеющихся заболеваний*.[162]

Никакого расследования по фактам незаконного давления на членов жюри присяжных не последовало. По понятным причинам, ни один из них не подавал официальной жалобы. Но несмотря на то, что сообщения об этом эпизоде не попали в прессу, о нем хорошо помнят в Чечне. Конфиденциально, многие собеседники предполагают, что смерть адвоката была связана с этим судебным процессом.

Атмосферу устрашения, давления, угроз и рисков, с которыми приходится сталкиваться адвокатам на Северном Кавказе и среди которых им приходится жить и работать, особенно ярко подчеркивает убийство адвоката сотрудниками силовых структур в январе 2012 года на улице дагестанской столицы Махачкала.

Адвокат Омар Саидмагомедов был членом Коллегии адвокатов «Кавказ» в Махачкале. Члены коллегии рассказали Amnesty International, что они уже давно сталкиваются с давлением и устрашением в связи с их профессиональной деятельностью. Один из них, Константин Мудунов, пережил покушение 19 ноября 2008 года: поздним вечером в этот день неизвестный подошел к нему сзади на улице и выстрелил в голову. От смерти адвоката скорее всего спасло неожиданное появление прохожих, которое, должно быть, отпугнуло нападавшего и не позволило ему сделать повторный выстрел.[163] На голове адвоката до сих пор остался заметный шрам. Преступник так и не был найден, и преступление остается нераскрытым. С тех пор, по словам адвокатов, в адрес членов Коллегии «Кавказ» продолжали получать угрозы.

УБИЙСТВО АДВОКАТА ОМАРА САИДМАГОМЕДОВА СОТРУДНИКАМИ СИЛОВЫХ СТРУКТУР

Омар Саидмагомедов и его родственник были убиты на улице Махачкалы (Дагестан) сотрудниками силовых структур 20 января 2012 года. Власти сообщили об этом как уничтожении двух вооруженных членов бандподполья. Однако коллеги Саидмагомедова приводят свидетельства того, что это была внесудебная казнь, а они сами подвергаются преследованиям в связи с попытками выяснить правду о его убийстве.

Вечером 20 января 2012 года Омар Саидмагомедов вышел из офиса коллегии и отправился домой к своему троюродному брату Расулу Курбанову. Около 19.30 оба были убиты сотрудниками силовых структур возле дома Расула Курбанова, предположительно в тот момент, когда Омар Саидмагомедов уже уходил. Согласно показаниям одного свидетеля, когда послышались выстрелы, отец Расула Курбанова выбежал из дома, и в него также выстрелили дважды, но он избежал смерти, спрятавшись за железными воротами. Сообщение об убийстве появилось тем же вечером в новостях на общенациональном государственном телеканале. В сводке новостей говорилось, со ссылкой на официальную информацию, что в ходе спецоперации были ликвидированы два вооруженных преступника, которые открыли огонь по сотрудникам правоохранительных органов, когда те попытались остановить машину, в которой убитые ехали и попытались скрыться от преследования.

Как сообщается, по словам очевидцев, пожелавших остаться неназванными, картина произошедшего выглядела совсем иначе. Есть указания на то, что имело место преднамеренное убийство двух безоружных людей с последующей фальсификацией улик против них. Коллеги Омара Саидмагомедова заявили, что «по единогласному мнению членов коллегии, данное событие является проявлением террора правоохранительных органов к Коллегии адвокатов «Кавказ», цель которого – устрашение адвокатов коллегии и воспрепятствование их добросовестной деятельности по противодействию коррупции и злоупотреблениям в правоохранительной и судебной системах».[164] Они предложили родителям убитых свои услуги в качестве адвокатов, чтобы попытаться добиться эффективного расследования обстоятельств произошедшего, и заключили с ними соответствующие соглашения.

Следственный комитет возбудил уголовное дело, но изначально зафиксировал произошедшее как факт нападения на представителей правоохранительных органов. Родители и коллеги Омара Саидмагомедова потребовали непредвзятого и беспристрастного расследования, в том числе объективного рассмотрения предположений о том, что имело место преднамеренное убийство двух человек сотрудниками правоохранительных органов, но их требования были проигнорированы. Адвокаты, представляющие родственников убитых, выразили протест в связи с тем, что следствие не изучало обстоятельства произошедшего, а сознательно собирало улики против Омара Саидмагомедова и Расула Курбанова.

В подготовленном следователем в день убийства официальном постановлении о возбуждении соответствующего уголовного дела, говорилось, что сотрудники ФСБ пытались остановить именно Расула Курбанова и Омара Саидмагомедова как предполагаемых участников незаконного вооруженного формирования, что те отказались остановиться и попытались скрыться на машине Саидмагомедова, и что они были убиты в ходе преследования, после того как они же первые открыли огонь. Однако в более позднем официальном документе, который адвокаты получили от следователя два месяца спустя в ответ на свой запрос, отсутствовали некоторые ключевые детали (например, указание на то, что операция проводилась сотрудниками ФСБ – в документе говорилось о неких «сотрудниках силовых подразделений правоохранительных органов»). Особенно обращает на себя внимание то, что в последнем документе речь шла о «неизвестных лицах» убитых в ходе операции, которые были «опознаны впоследствии» как Расул Курбанов и Омар Саидмагомедов. Подобные расхождения вызывают серьезные вопросы по поводу того,

насколько все расследование в целом может считаться эффективным, беспристрастным и тщательным. Более того, в последующем появились подозрения, что семьи погибших подвергаются давлению, после того как отец Расула Курбанова неожиданно отказался от услуг адвокатов и решил больше не предпринимать никаких действий в связи со смертью сына.

Коллеги Омара Саидмагомедова также столкнулись с активным противодействием со стороны следствия в связи со своими попытками включаться в дело и добиваться его объективного расследования. В частности один из них, адвокат Константин Мудунов, заключивший адвокатское соглашение с родственниками Омара, послал свой адвокатский ордер следователю, но тот его сразу вернул. Мудунов представил следователю другой ордер, который следователь точно так же отказался принять, и тем самым не дал адвокату работать по делу. Константин Мудунов подал жалобу в суд, который признал нарушение со стороны следствия и распорядился его исправить. Соответствующие решения суда от 27 марта и 4 апреля 2012 года были тем не менее проигнорированы следователем. Более того, следователь немедленно вызвал Константина Мудунова в качестве свидетеля в деле против Омара Саидмагомедова, а когда адвокат отказался явиться, инициировал его принудительный привод на допрос. Таким образом Константин Мудунов был незаконно отстранен от работы по делу как представитель семьи Омара Саидмагомедова и, соответственно, от доступа к материалам дела, которые могли бы помочь ему оценить состоятельность следствия и готовность либо неготовность следователя всесторонне, эффективно, независимо и беспристрастно изучить обстоятельства убийства адвоката Омара Саидмагомедова и его троюродного брата, и тем самым обеспечить необходимый уровень общественного контроля, как того требует международное право.[165]

Перед смертью Омар Саидмагомедов защищал нескольких лиц, обвиненных в участии в незаконных вооруженных формированиях, и заявляя об использовании пыток и фабрикации доказательств сотрудниками правоохранительных органов в отношении его подзащитных.

Смерть Омара Саидмагомедова еще больше омрачило обстановку среди адвокатов на всем Северном Кавказе. Во время встреч с представителями Amnesty International в самых разных республиках, от Дагестана до Кабардино-Балкарии, адвокаты упоминали убийство коллеги как своего рода предупреждение им всем со стороны властей. Следующим важным сигналом для адвокатского сообщества на Северном Кавказе стала реакция властей на это убийство – полное отсутствие хоть какого-то прогресса в оценке подозрительных обстоятельств этого дела и очевидное нежелание проводить расследование в отношении сотрудников силовых структур, имевших отношение к этой смерти.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С Северного Кавказа регулярно поступают сообщения о таких нарушениях прав человека как насильственные исчезновения, внесудебные казни, пытки и иные формы жестокого обращения, совершаемых сотрудниками правоохранительных органов и практически никогда объективно не расследуемых. Эти нарушения прав человека и то, что они систематически не расследуются объективно российскими властями, создают замкнутый круг несправедливости и ведут ко все новым нарушениям основополагающих прав человека. В число последних входит право на справедливый суд – право, которого жители Северного Кавказа, а равно и других регионов Российской Федерации, оказываются лишенными посредством самых разных нарушений. Одним из таких широко распространенных нарушений является фактический отказ в возможности пользоваться правовой защитой, или ограничение доступа к правовой защите, а также отказ в выборе адвоката по своему усмотрению для подозреваемых во время предварительного расследования и обвиняемых в суде. В то время как подозреваемые могут подвергаться давлению, пыткам и иным формы жестокого обращения, быть лишенными возможности встречаться со своими защитниками, их адвокаты тоже зачастую сталкиваются с давлением со стороны сотрудников правоохранительных органов и всей системы уголовного правосудия, в особенности те, кто добросовестно выполняют свой профессиональный долг и берет на себя защиту подозреваемых в так называемых «политических» и «военных» преступлениях (участие в незаконных вооруженных формированиях, незаконное хранение оружие, терроризм и т.д.). Адвокаты, встречающиеся лицом к лицу с замкнутым кругом несправедливости на Северном Кавказе и противостоящие ему, нередко сами становятся его жертвами.

В ходе визитов на Северный Кавказ в прежние годы у делегатов Amnesty International сложилось понимание того, что работающие там по уголовным делам адвокаты выполняют свой профессиональный долг в повседневной атмосфере устрашения и преследований. Им приходится противостоять репрессивной системе уголовного судопроизводства, которая, судя и по словам большого числа участников процессов, и по ничтожному малой доле оправдательных приговоров, имеет сильный обвинительный уклон. Уже лишь потому, что адвокаты полноценно и добросовестно выполняют свой профессиональный долг, отстаивают право подзащитного не оговаривать себя и настаивать на собственной невиновности (если в этом состоит позиция доверителя), они как защитники в уголовном процессе вступают в конфронтацию с представителями правоохранительных органов и всей системы уголовного правосудия. Устрашение адвокатов принимаем разные формы: от анонимных угроз до «дружеских предупреждений» со стороны сотрудников правоохранительных и судебных органов, от подозрений о негласном наблюдении – а по мнению многих адвокатов в регионе, за ними ведется негласное наблюдение – до жалоб на адвоката в адрес адвокатской палаты со стороны сотрудников следствия, прокуратуры, а иногда и суда, что, как представляется, чаще связано с характером уголовного дела, по которому работает адвокат, чем с каким-либо действительным нарушением правил с его стороны. Amnesty International регулярно приходится слышать об адвокатах на Северном Кавказе, которые либо принимают решение не работать по «политическим» и «военным» уголовным делам, либо вообще отказываются от юридической практики в связи с давлением, с которым они сталкиваются почти ежедневно. Для некоторых адвокатов ключевую роль в принятие такого решения сыграло осознание, что при всем знании закона они бессильны оградить своих доверителей от пыток и других нарушений их прав, и добиться соблюдения и уважения права на справедливый суд.

Адвокаты, работающие на Северном Кавказе, часто сталкиваются с процессуальными и организационными барьерами, которые лишают или значительно ограничивают их возможность встречаться с подзащитными, находящимися в заключении, иным образом мешают им выполнять свои профессиональные обязанности, а также затрудняют процедуру подачи жалоб по фактам подобных нарушений настолько, что она становится неэффективной либо вовсе теряет всякий смысл. Любой человек, находящийся под стражей, имеет право на немедленный и беспрепятственный доступ к адвокату с момента фактического задержания, при этом количество таких конфиденциальных встреч не ограничивается. Во многих случаях, подробности которых стали известны Amnesty International, адвокатам под разными предлогами отказывалось во встрече подзащитным, особенно в первые часы или даже первые дни после задержания подозреваемого. Во многих случаях власти не уведомляют своевременно семью и адвоката о

самом факте задержания и о местонахождении задержанного. Во многих случаях в течение длительного времени (от нескольких часов до нескольких дней в ряде случаев) адвокату было отказано в информации о том, в каком именно следственном изоляторе или изоляторе временного содержания, или где-то еще, содержится подзащитный. У некоторых адвокатов были затребованы не предусмотренные законом дополнительные документы или даже письменное разрешение следователя на встречу с подзащитным. Число помещений, пригодных для проведения таких встреч, может быть ограничено, и ими не всегда можно воспользоваться при необходимости. И что еще хуже, что с такими нарушениями чрезвычайно трудно бороться. Существующий порядок подачи и рассмотрения жалоб неэффективен и отнимает много времени, а в некоторых случаях адвокаты вынуждены направлять жалобы на процессуальные нарушения со стороны следователя вообще в другой регион. В результате содержащиеся под стражей подозреваемые лишаются возможности встретиться с адвокатом в наиболее важный для них период времени, и тогда для них риск подвергнуться пыткам и иным формам жестокого обращения значительно возрастает. Более того, во многих случаях, о которых стало известно Amnesty International, есть серьезные указания на то, что задержанных принуждали отказаться от услуг выбранного ими адвоката.

Согласно российскому законодательству, подозреваемые и обвиняемые в совершении уголовных преступлений имеют право на бесплатную юридическую помощь, и ее предоставление не ставится в зависимость от их материального положения или иных условий. При всей важности этого права с точки зрения обеспечения условий для справедливого судопроизводства, согласно имеющимся свидетельствам, на практике сотрудники правоохранительных органов часто прибегают к привлечению адвоката по назначению как способу обойти меры, призванные предотвратить пытки и иные формы жестокого обращения. Существует определенный порядок участия адвокатов в качестве защитников по назначению. Несмотря на это, по утверждениям многих адвокатов на Северном Кавказе, следователи нередко действуют в обход установленного порядка и напрямую приглашают конкретного адвоката в качестве защитника по назначению. И хотя каждый адвокат, будь то привлеченный доверителем в частном порядке или назначенный государством, обязан выполнять свои профессиональные обязанности честно, профессионально и добросовестно, соблюдая Кодекс профессиональной этики адвоката, на практике это происходит не всегда. По свидетельству многих адвокатов и других людей на Северном Кавказе, с которыми довелось разговаривать Amnesty International, от тех адвокатов, к которым следователи обращаются напрямую для привлечения их в качестве защитников по назначению, нередко ожидается, что они не обратят внимания на некоторые процессуальные и иные нарушения, в том числе и на заявления подозреваемых о применении к ним пыток и иных форм жестокого обращения. Сообщения о такой практике поступают с Северного Кавказа с вызывающей беспокойство частотой. Во многих случаях, в которых сообщалось о принуждении задержанного к отказу от услуг выбранного ими защитника, это предположительно делалось именно для того, чтобы привлечь адвоката, более открытого к «сотрудничеству» со следствием. Для подозреваемых, которые отрицают свою причастность к инкриминируемым им преступлениям, это имеет ряд серьезных последствий, одно из которых – невозможность отказаться в суде от показаний, подписанных под принуждением на стадии предварительного следствия. Даже если обвиняемый будет утверждать, что его показания были получены незаконно, подпись адвоката на протоколе допроса означает, что судья почти наверняка примет этот документ в качестве допустимого доказательства. Несмотря на то, что существуют примеры применения мер дисциплинарного воздействия со стороны адвокатской палаты в отношении адвокатов за невыполнение ими профессионального долга по отстаиванию прав и законных интересов доверителя, а в некоторых случаях за фактическое сотрудничество со следствием, это случается редко, и представляется скорее исключением на фоне предположительно очень широко применяемой практики, которая прямым образом подрывает право обвиняемого на эффективную правовую защиту в суде.

Адвокаты, работающие по уголовным делам на Северном Кавказе, иногда сталкиваются с прямыми угрозами со стороны сотрудников правоохранительных органов. Опыт Amnesty International свидетельствует, что адвокаты чаще всего предпочитают не распространяться о подобных угрозах, и редко предают из огласке. Однако исследование, которое легло в основу данного доклада, показывает, что подобные угрозы действительно имеют место, и происходит это достаточно часто. Как показано в докладе Amnesty International «Российская Федерация:

Замкнутый круг несправедливости. Спецоперации и нарушения прав человека в Ингушетии», опубликованном в июне 2012 года, мер по эффективному расследованию сообщений о нарушениях прав человека со стороны сотрудников силовых структур на Северном Кавказе практически не предпринимается. У адвокатов, которые подавали официальные жалобы на подобные угрозы, нет почти никакого шанса на их эффективное расследование, установление виновных, и принятие действенных мер, направленных на то, чтобы адвокаты «могли выполнять все свои профессиональные обязанности в обстановке, свободной от угроз, препятствий, запугивания или неоправданного вмешательства», как того требуют «Основные принципы, касающиеся роли юристов». Им едва ли приходится рассчитывать на защиту со стороны закона и органов, призванных такую защиту обеспечивать. Более того, некоторым адвокатам на Северном Кавказе пришлось столкнуться с угрозами в адрес родственников. Очевидно, когда есть обоснованные подозрения, что угрозы исходят от сотрудников самих правоохранительных органов, то адвокатам на Северном Кавказе обратиться за помощью и защитой практически некуда.

В нескольких случаях, подробно рассмотренных Amnesty International, а равно и в других случаях, о которых сообщали другие организации, подобные угрозы были приведены в исполнение, и адвокаты на Северном Кавказе подверглись физическому насилию со стороны сотрудников правоохранительных органов в связи со своей профессиональной деятельностью. Те из адвокатов, которые обратились к властям с официальными жалобами по поводу произошедшего и особенно активно требовали расследования, сами столкнулись с уголовным преследованием, когда должностные лица, по поводу действий которых были поданы жалобы, подавали встречные жалобы, и в итоге уголовные дела возбуждались против самих адвокатов. Во всех случаях исходом была безнаказанность для тех, кто прибег к насилию, и глубоко травмирующий опыт для их жертв.

В 2012 году в Дагестане имело место убийство адвоката, работавшего по уголовным делам, сотрудниками силовых органов, что еще больше омрачило обстановку среди адвокатов на всем Северном Кавказе. Согласно официальным сообщениям, убийство адвоката Омара Саидмагомедова и его троюродного брата было результатом спецоперации против двух вооруженных членов бандподполья. Однако, судя по доказательствам, собранным коллегами адвоката, официальная версия этого события не представляется убедительной, и существуют серьезные вопросы к его последующему расследованию. С учетом угроз, поступавших в адрес адвокатов на Северном Кавказе и до, и после этого события, каким бы шокирующим оно ни было, само по себе это убийство не стало неожиданностью: и личный риск, и риск для членов семей стал частью повседневной жизни адвокатов, работающих по уголовным делам. Это убийство, и очевидное отсутствие его объективного расследования, стали наглядным напоминанием о том, что адвокатам, работающим по уголовным делам на Северном Кавказе, тем, кто противостоит несправедливости, приходится быть готовыми заплатить за свою деятельность высокую личную цену.

Российские власти не выполняют своих обязательств по принятию необходимых мер для обеспечения адвокатам, работающим по уголовным делам на Северном Кавказе, возможности выполнять свои профессиональные обязанности в обстановке, свободной от угроз, препятствий, запугивания или неоправданного вмешательства.

Многочисленные препятствия, с которыми приходится сталкиваться адвокатам, стремящимся добросовестно выполнять свои профессиональные обязанности, приводят к значительному ущемлению прав их подзащитных, и, в более широком смысле, подрывает основы уголовного правосудия на Северном Кавказе.

Рекомендации

Рекомендации правительству Российской Федерации

1. В полной мере обеспечить уважение и защиту прав человека в отношении адвокатов, и выполнить на уровне законодательства, политики и правоприменительной практики требования защиты, предусмотренные международным правом и стандартами, и в частности Основными принципами ООН, касающимися роли юристов.

2. Незамедлительно обеспечить на Северном Кавказе и во всей Российской Федерации надлежащие меры безопасности для адвокатов, и обеспечить им возможность выполнять свои профессиональные обязанности в обстановке, свободной от угроз, препятствий, запугивания или неоправданного вмешательства.

3. Незамедлительно, тщательно, независимо, беспристрастно и эффективно расследовать любые заслуживающие доверия сообщения о применении в отношении адвокатов угроз, устрашения либо физического насилия, включая сообщения об убийстве.

4. Пересмотреть процедуры и процесс рассмотрения жалоб о процессуальных нарушениях, совершенных представителями правоохранительных структур и органов, осуществляющих уголовное судопроизводство, в том числе по фактам отказа в доступе к подзащитному или незаконному ограничению свиданий между адвокатом и доверителем, и обеспечить устранение этих нарушений и полное соблюдение их процессуальных прав на практике.

5. Обеспечить то, чтобы подача и рассмотрение жалоб в отношении адвокатов не использовались для ослабления их независимости и эффективности.

6. Обеспечить всем задержанным незамедлительный, регулярный и беспрепятственный доступ к адвокату по своему выбору, и обеспечить своевременное уведомление о местонахождении задержанных их близких, адвокатов или любых иных лиц, имеющих законный интерес в этой информации, кроме случаев, когда задержанный сам не выразил желания в ином.

7. В ходе консультаций с профессиональным юридическим сообществом, пересмотреть действующее законодательство (в том числе Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и Уголовно-процессуальный кодекс в случае необходимости) с целью обеспечить существование четких, обязательных для исполнения правил и процедур, устанавливающих прозрачный и справедливый порядок назначения адвокатов для оказания юридической помощи в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда, и обеспечить строгое выполнение этих правил, в том числе со стороны сотрудников следственных органов, суда, иных должностных лиц, а также отдельных адвокатов и адвокатских образований.

8. Использовать возможность предстоящего в апреле 2013 года визита в Российскую Федерацию Специального докладчика по вопросу о независимости судей и адвокатов, чтобы принять меры к полному выполнению рекомендаций, содержащихся в докладе предыдущего Специального докладчика, опубликованного после его миссии в Россию в мае 2008 года, и в частности тех, которые касаются судебной реформы, укрепления и дальнейшего развития институциональной и правовой базы, и совершенствования процессуального законодательства и практики для обеспечения независимой роли судей, и поддержания и укрепления роли профессионального адвокатского сообщества.

9. Выполнить рекомендации, адресованные организацией Amnesty International

правительству в опубликованном в июне 2012 года докладе «Российская Федерация: Порочный круг несправедливости. Спецоперации и нарушения прав человека в Ингушетии».

Рекомендации Федеральной адвокатской палате и адвокатским палатам Северного Кавказа

1. Систематически отслеживать, анализировать и публиковать информацию о нарушениях профессиональных прав адвокатов на Северном Кавказе и по всей Российской Федерации со стороны представителей правоохранительных структур и органов, осуществляющих уголовное судопроизводство. Поощрять информирование членами своих адвокатских палат и Федеральной адвокатской палаты относительно всех случаев нарушений профессиональных прав адвокатов со стороны сотрудников системы уголовного судопроизводства, правоохранительных и любых иных органов.

2. Развивать критическое и конструктивное взаимодействие с соответствующими официальными ведомствами с целью исправить и искоренить подобные нарушения, и добиться того, чтобы все члены адвокатского сообщества в России могли выполнять свои профессиональные обязанности в обстановке, свободной от угроз, препятствий, запугивания или неоправданного вмешательства.

3. Содействовать развитию и обмену опытом среди своих членов по наиболее эффективным средствам защиты и восстановления нарушенных прав адвокатов и противодействия нарушениям процессуальных норм со стороны представителей правоохранительных структур и органов, осуществляющих уголовное судопроизводство.

4. Критически и конструктивно взаимодействовать с соответствующими официальными ведомствами с целью пересмотра действующего законодательства в сторону выработки четких и обязательных для исполнения правил и процедур, устанавливающих прозрачный и справедливый порядок назначения адвокатов для оказания юридической помощи в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда.

5. Обеспечить прозрачность системы назначения адвокатов для оказания юридической помощи в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда, включая, например, использование простых процедур для установления, является ли определенный адвокат дежурным в определенный день, и таким образом обеспечить наличие и соблюдение прозрачных и справедливых правил очередности.

6. Обеспечить эффективное регулирование и независимость юридической профессии на территории всей Российской Федерации, в том числе путем разработки эффективных механизмов систематического мониторинга и выявления нарушений норм профессиональной этики со стороны адвокатов и случаев невыполнения честно, разумно и добросовестно своих профессиональных обязанностей, включая вступления в уголовное дело в обход существующего порядка назначения адвокатов для оказания юридической помощи в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда; обеспечить должное отстаивание прав и законных интересов доверителей во всех случаях; и обеспечить применение эффективных мер дисциплинарного воздействия в случае необходимости.

Рекомендации международному сообществу

<u>Профессиональным ассоциациям юристов:</u>

1. Публично поддержать принятие мер, направленных на обеспечение независимости и защиты адвокатов, в особенности в республиках Северного Кавказа, а

также и по всей России.

2. Обратиться к международным организациям юристов, национальным правительствам, соответствующим международным и региональным организациям и механизмам защиты прав человека с призывом поднять в их взаимоотношениях с российским правительством вопрос о наличии угроз и преследовании адвокатов на Северном Кавказе, об отсутствии механизмов их защиты, и настоятельно призвать к незамедлительному решению этой проблемы в соответствии с международными обязательствами Российской Федерации.

Правительствам, международными и региональным организациям и механизмам защиты прав человека:

1. Содействовать мониторингу и распространению информации о судебной практике по уголовным делам и о нарушениях права подсудимых на справедливое судебное разбирательство, а также о нарушениях прав человека и профессиональных прав в отношении адвокатов на Северном Кавказе, в том числе сообщениях о преследованиях адвокатов, угрозах и применении к ним насилия со стороны сотрудников правоохранительных органов.

2. В ходе двусторонних и многосторонних встреч с представителями российского правительства поднимать тему подобных нарушений в целом и отдельных случаев в частности, в том числе представленных в настоящем докладе и в иных источниках, и твердо отстаивать позицию о том, что подобные нарушения противоречат международным обязательствам Российской Федерации, что с безнаказанностью за подобные нарушения должны быть покончено, и что адвокатам на Северном Кавказе должна быть обеспечена безопасность.

Специальному докладчику по вопросу о независимости судей и адвокатов:

1. Использовать возможность предстоящего в апреле 2013 года визита в Российскую Федерацию для того, чтобы изучить и привлечь внимание к ситуации адвокатов на Северном Кавказе и в других районах страны с точки зрения их способности выполнять свои профессиональные обязанности в обстановке, свободной от угроз, препятствий, запугивания или неоправданного вмешательства; продолжить критический и конструктивный диалог с российским правительством по вопросу о конкретных случаях и общих тенденциях нарушений, а также разработать рекомендации для Российской Федерации с целью приведения существующего подхода и правоприменительной практики в полное соответствие с Основными принципами ООН, касающимися роли юристов и международными обязательствами Российской Федерации.

2. Оценить выполнение рекомендаций, предложенных по итогам последнего визита предыдущего Специального докладчика в Россию в мае 2008 года, выявить пробелы в плане реализации этих рекомендаций и способы их устранения.

Парламентской Ассамблее Совета Европы:

1. Воспользоваться возможностью продолжения деятельности по итогам доклада «Средства правовой защиты в случаях нарушений прав человека на Северном Кавказе», док. 12276, 4 июня 2010 года, и Резолюции ПАСЕ №1738 (2010) «Средства правовой защиты в случаях нарушений прав человека на Северном Кавказе», и в особенности предстоящего доклада «Права человека на Северном Кавказе: что последовало за резолюцией №1738 (2010)?» для решения проблем, затронутых в настоящем докладе.

Комитету министров Совета Европы:

1. В продолжение с Рекомендации ПАСЕ №1922 (2010) «Средства правовой защиты в случаях нарушений прав человека на Северном Кавказе», возобновить, продолжить и способствовать проведению мониторинга ситуации с правами человека на Северном Кавказе, уделяя особое внимание нарушениям права подсудимых на справедливое судебное разбирательство, а также о нарушениях прав человека и профессиональных прав в отношении адвокатов.

2. Призвать Российскую Федерацию в полном объеме и эффективно выполнить Рекомендацию №R(2000)2l Комитета министров Государствам-членам о свободе осуществления профессии адвоката (принята Комитетом Министров 25 октября 2000 года на 727-м заседании заместителей министров).

---

[1] Существуют разные мнения о том, какую территорию следует относить к Северному Кавказу, и некоторые дискуссии по этому вопросу носят политический характер. В данном докладе термин «Северный Кавказ» употребляется как тождественный официальному административно-территориальному образованию Северо-Кавказский федеральный округ.

[2] Например, см. Amnesty International, «Российская Федерация: Замкнутый круг несправедливости. Спецоперации и нарушения прав человека в Ингушетии», доклад, 21 июня 2012 (Индекс EUR 46/012/2012), см. http://amnesty.org.ru/system/files/Ingushetia%20Report_0.pdf (далее – доклад «Замкнутый круг несправедливости»).

[3] См., например, Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, UNTS т. 1465, стр. 85, статья 12, ратифицирована Российской Федерацией 3 марта 1987 года; «Курт против Турции» (ЕСПЧ), жалоба № 24276/94, 25 мая 1998 года, параграф 124; Комитет по правам человека ООН, Замечание Общего Порядка № 31, Характер общего юридического обязательства, налагаемого на государства-участники Пакта, принято 29 марта 2004 года, UN Doc.: CCPR/C/21/Rev.1/Add.13, параграф 15.

[4] Парламентская Ассамблея Совета Европы, Резолюция 1738 (2010) «Средства правовой защиты в случаях нарушения прав человека в Северокавказском регионе», 22 июня 2010 года, параграфы 10 и 13.2, см. на англ.яз. http://assembly.coe.int/ASP/XRef/X2H-DW-XSL.asp?fileid=17870&lang=en (ссылка по состоянию на 8 марта 2013).

[5] Доклад «Замкнутый круг несправедливости», в частности, стр. 67-82.

[6] См. дополнительную информацию о нарушениях прав человека в связи с расследованиями и о препятствиях и причинах безнаказанности в докладе «Замкнутый круг несправедливости», в частности, стр. 67-82.

[7] Там же. См. также Комиссия по юридическим вопросам и правам человека, «Средства правовой защиты в случаях нарушения прав человека в Северокавказском регионе», докладчик г-н Дик Марти, май 2009 года, см. на англ. яз. http://www.assembly.coe.int/CommitteeDocs/2010/20100531_caucasus_E.pdf (ссылка по состоянию на 8 марта 2013).

[8] См., например, Статья 6, Конвенция о защите прав человека и основных свобод (ЕКПЧ), ратифицирована Российской Федерацией 5 мая 1998 года; Принцип 18 (1), «Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме», принят Генеральной Ассамблеей ООН 9 декабря 1988 года, UN Doc. A/RES/43/173; и Принципы 1 и 7, «Основные принципы, касающиеся роли юристов», приняты Восьмым Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями Гавана, Куба, 27 августа — 7 сентября 1990 года.

[9] Расследование (точнее – предварительное расследование) – стадия уголовного процесса в России, следующая за стадией возбуждения уголовного дела и приводящая либо к прекращению уголовного дела (если отсутствует событие преступления, невозможно установить личности преступников и т.д.), либо к судебному производству, которое включает в себя судебное разбирательство. Согласно российскому законодательству (Статья 150 Уголовно-процессуального кодекса РФ), предварительное расследование производится в одной из двух форм — предварительное следствие и дознание. Обе формы являются по существу одной и той же процедурой, в чьи задачи входит выявление всех основных данных и обстоятельств преступления (личности преступников, их мотивы, материальный ущерб и т.д.) и их предварительная оценка (отсюда «предварительное», до того, как суд рассмотрит их и вынесет заключение). В английском языке (язык оригинала этого доклада) не существует отдельных терминов для обозначения этих двух форм, и обе они передаются словом «investigation». **По этой причине в ряде случаев для обозначения обеих данных форм предварительного расследования в докладе используется слово «расследование»**. Разница между двумя формами расследования заключается в том, что предварительное следствие применяется в

расследовании тяжких преступлений и производится сотрудником следственных органов с широким кругом полномочий (следователем), тогда как дознание обычно применяется к преступлениям небольшой тяжести, карающимся сроком до пяти лет, и производится должностным лицом с меньшим кругом полномочий – дознавателем. Дознание проводят сотрудники правоохранительных органов, органов пограничной службы ФСБ и некоторых других ведомств. Предварительное следствие производится следователями Следственного комитета (отдельный госорган, производящий расследование тяжких преступлений), МВД, ФСБ и Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков. В данном докладе и следователь, и дознаватель может в ряде случаев передаваться термином «следователь», а ведомства, которые они представляют – термином «следственные органы».

[10] См. доклад «Замкнутый круг несправедливости», стр. 46-66.

[11] Статья 21(2) Конституции Российской Федерации гласит: «Никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию». Статья 117 Уголовного кодекса использует термин «истязание», которое определяется как действие, причиняющее физические или психические страдания, и упоминает термин «пытка» в качестве отягчающего обстоятельства. Термин «пытка» содержится в комментарии к данной статье УК и определяется как «причинение физического или психического страдания с целью получения признания, принуждения к выполнению каких-либо действий против воли, наказания и других целей», но не учитывает роль должностного лица или любого другого человека при исполнении, в случае если пытки проводятся с его участием или с его разрешения или согласия. Дополнительно см. Amnesty International, «Российская Федерация: Брифинг для Комитета ООН против пыток», 15 октября 2012, EUR/46/040/2012, см. на англ. яз. http://www.amnesty.org/en/library/info/EUR46/040/2012/en, стр. 5.

[12] Таким образом, закон требует, чтобы каждый задержанный подвергался осмотру в момент заключения под стражу (Федеральный закон РФ «О полиции», статья 14(16)), при этом сведения обо всех имеющихся телесных повреждениях должны письменно фиксироваться. Медицинские работники должны безотлагательно осмотреть задержанного по его требованию (Федеральный закон «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», статья 24). Существует целый список требований к правоохранительным органам по содержанию людей под стражей (Федеральный закон «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», статья 24 и 7), но исключение составляют ведомства, занимающиеся расследованием преступлений, связанных с участием в незаконных вооруженных формированиях, таких как Главное управление по противодействию экстремизму МВД, Следственный комитет, Федеральная служба безопасности (ФСБ) (в отличие от органов пограничной службы ФСБ, имеющих собственные места временного содержания). Для дополнительной информации см. Доклад «Замкнутый круг несправедливости», стр. 49-66, и Брифинг для Комитета ООН против пыток, стр. 5-12.

[13] Статья 48(2) Конституции Российской Федерации; Статьи 47.4(8) и 48.4(3) Уголовно-процессуальный кодекс. Подробное рассмотрение соответствующих правовых норм представлено далее в докладе.

[14] Статья 18 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений».

[15] Статья 6, Конвенция о защите прав человека и основных свобод (ЕКПЧ), ратифицирована Российской Федерацией 5 мая 1998 года; «А. и другие заявители против Соединенного Королевства» (ЕСПЧ), жалоба № 3455/05, 19 февраля 2009 года, параграф 204; Статья 14(1), Международный пакт о гражданских и политических правах, UNTS, т. 999, стр. 171 и т. 1057, стр. 407, ратифицирован СССР 16 октября 1973 года; Комитет по правам человека ООН, Замечание Общего Порядка № 32, UN Doc. CCPR/C/GC/32 (2007), параграф 13.

[16] Например, см. Федеральная палата адвокатов, «Обеспечение прав и интересов граждан при осуществлении уголовно-правовой политики в Российской Федерации», 7 апреля 2009 года, Москва, опубликовано в «Новой адвокатской газете», № 9, 2009, см. http://www.advgazeta.ru/rubrics/9/283 (ссылка по состоянию на 8 марта 2013); Элла Панеях, Михаил Поздняков, Кирилл Титаев, Ирина Четверикова и Мария Шклярук, «Правоохранительная деятельность в России: структура, функционирование, пути реформирования», октябрь 2012, Институт проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге, СПб, глава 2, см. http://komitetgi.ru/upload/uploaded_files/irl_4_pravookhrana_4%20kudrin_part_1_fin.pdf (ссылка по состоянию на 8 марта 2013).

[17] В марте 2011, согласно вступившему в силу Федеральному закону от 7 февраля 2011 года «О полиции», милиция была переименована в полицию, а большинство бывших сотрудников милиции зачислены в штат полиции после аттестации. Оба термина переводятся как «police» на английский (язык оригинала данного доклада). В связи с переименованием, а также с особенностью перевода, в переводе доклада на русский язык используется термин «полиция», в том числе в отношении событий, имевших место до переименования.

[18] Коллега Сапият Магомедовой сделала несколько фотографий Сапият и ее травм позже в этот же день. Их можно увидеть на сайте Правозащитного центра Мемориал http://www.memo.ru/2010/06/18/1806101.htm (ссылка по состоянию на 8 марта 2013). Хорошо видны травмы, полученные при падении на лицо.

[19] Статья 133, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации.

[20] Статья 6 п.3 (c) ЕКПЧ; Принцип 18 (1), «Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме»; Принципы 1 и 7, «Основные принципы, касающиеся роли юристов».

[21] Правозащитный центра Мемориал, «Дагестан: нападения на адвокатов продолжаются», 11 октября 2010 года, см. http://www.memo.ru/2010/10/11/1110101.htm (ссылка по состоянию на 8 марта 2013).

[22] «Основные принципы, касающиеся роли юристов». Приняты Восьмым Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями Гавана, Куба, 27 августа — 7 сентября 1990 года.

[23] Принцип 16, «Основные принципы, касающиеся роли юристов».

[24] Принцип 16, «Основные принципы, касающиеся роли юристов».

[25] Случай описан в докладе «Замкнутый круг несправедливости», стр. 55-57.

[26] В течение многих лет Amnesty International выражала обеспокоенность по многим случаям нарушений прав обвиняемых в этом деле, например, см. «Российская Федерация: Российская Федерация: задержанному не оказывают надлежащей медицинской», Акция срочной помощи, 13 декабря 2011 (Индекс: EUR 46/046/2011); «Российская Федерация: Брифинг для Комитета ООН», 1 октября 2009 (Индекс: EUR 46/025/2009); «Российская Федерация: доклад Amnesty International для Всеобъемлющего периодического обзора ООН: 4 сессия ВПО Совета по правам человека», опубликован 8 сентября 2008 (Индекс: 46/026/2008); «Российская Федерация: Непредоставление медицинской помощи: Расул Кудаев», 21 августа 2007 (Индекс: EUR 46/035/2007).

[27] Для того, чтобы стать членом Адвокатской палаты, необходимо иметь диплом о высшем образовании, иметь как минимум двухлетний опыт работы юристом или пройти практику помощником у практикующего адвоката и сдать квалификационный экзамен Адвокатской палаты.

[28] Статьи 1 и 2, Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре». В России существуют юристы, в том числе, например, штатные юристы, которые предоставляют правовую помощь по широкому кругу вопросов, в том числе в качестве сотрудника; однако никто из них не обладает подобными привилегиями.

[29] В английском тексте доклада (язык оригинала), для удобства термины «lawyer» и «*advokat*» («*advocate*») используются как синонимы для обозначения профессии, согласно определению, приведенному в данной главе.

[30] Статья 17(1), Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре».

[31] Статья 8, Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре».

[32] Статьи 49, 92.4 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации; Статья 6.3(5), Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре».

[33] Статьи 6.4(3) и 7.1(1), Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре».

[34] Постановление Конституционного суда Российской Федерации № 428-О-Р от 6 марта 2008 года.

[35] Соответствующие правила и ограничения установлены в статье 8 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре».

[36] Статья 72.1(1) Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации; Статья 8.2, Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре»; Статья 6.6, Кодекс профессиональной этики адвоката.

[37] Статьи 21.2, 47-51 и 123 Конституции Российской Федерации; Статьи 3 и 5 ЕКПЧ; Статьи 1 и 16 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания; Статьи 7 и 9 Международного пакта о гражданских и политических правах.

[38] Специальный докладчик ООН по вопросу о независимости судей и адвокатов заявил, что «отсутствие защитника создает возможность злоупотреблений», см. Специальный докладчик по вопросу о независимости судей и адвокатов: Соединенное королевство, UN Doc. E/CN.4/1998/39/add.4 (1998) §47. Дополнительную информацию см. ниже в главе 3.

[39] Статья 14, Международный пакт о гражданских и политических правах, ратифицирован СССР 16 октября 1973 года; Статья 6 ЕКПЧ.

[40] Статья 14(1), Международный пакт о гражданских и политических правах.

[41] Статья 14(2), Международный пакт о гражданских и политических правах; Статья 6(2) ЕКПЧ.

[42] Статья 14(3)(d), Международный пакт о гражданских и политических правах; Статья 6(3)(c) ЕКПЧ; см. также Принцип 1, «Основные принципы, касающиеся роли юристов».

[43] Статья 14(3)(b), Международный пакт о гражданских и политических правах; Комитет по правам человека ООН, Замечание Общего Порядка № 32, UN Doc. CCPR/C/GC/32 (2007), параграф 34; Принцип 22, «Основные принципы, касающиеся роли юристов».

[44] Статья 14(3)(g), Международный пакт о гражданских и политических правах; см. также Принцип 6, «Основные принципы, касающиеся роли юристов».

[45] Статья 14(3)(d), Международный пакт о гражданских и политических правах; Статья 6(3)(c) ЕКПЧ.

[46] Комитет по правам человека ООН, Замечание Общего Порядка № 32, параграф 34; Принцип 7, «Основные принципы, касающиеся роли юристов».

[47] «Артико против Италии» (ЕСПЧ), жалоба № 6694/74, параграф 33; «Имброщиа против Швейцарии» (ЕСПЧ), жалоба № 13972/88, параграф 38; «Дауд против Португалии» (ЕСПЧ), жалоба № 22600/93, параграф 38; Комитет по правам человека ООН, Замечание Общего Порядка № 32, параграф 38.

[48] Принцип 16, «Основные принципы, касающиеся роли юристов».

[49] Принцип 17, «Основные принципы, касающиеся роли юристов».

[50] Принцип 18, «Основные принципы, касающиеся роли юристов».

[51] Принцип 19, «Основные принципы, касающиеся роли юристов».

[52] Принцип 20, «Основные принципы, касающиеся роли юристов».

[53] Статья 13, Декларация о защите всех лиц от насильственных исчезновений, Принята резолюцией 47/133 Генеральной Ассамблеи 18 декабря 1992 года; Принцип 15, Принципы эффективного предупреждения и расследования внезаконных, произвольных и суммарных казней, рекомендованы резолюцией ЭКОСОС ООН 1989/65 от 24 мая 1989 года; Принцип 3, «Принципы эффективного расследования и документирования пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания», рекомендовано Генеральной Ассамблеей в резолюции 55/89 от 4 декабря 2000 года.

[54] Комитет по правам человека ООН, Замечание Общего Порядка № 32, параграф 34.

[55] Принцип 1(1), Рекомендации R (2000 г.) 21-го Комитета министров Совета Европы «О свободе осуществления профессии адвоката» (приняты Комитетом министров Совета Европы на 727-м заседании на уровне заместителей министров 25 октября 2000 года), см. на англ. яз. https://wcd.coe.int/com.instranet.InstraServlet?command=com.instranet.CmdBlobGet&InstranetImage=533749&SecMode=1&DocId=370286&Usage=2 и на русс.яз. http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30188533 (ссылки по состоянию на 8 марта 2013).

[56] Согласно статье 49.3(3), «Защитник участвует в уголовном деле … с момента фактического задержания лица, подозреваемого в совершении преступления». Однако на практике сотрудники правоохранительных органов часто дают подозреваемому возможность увидеться с адвокатом только в момент помещения в камеру, а не ранее в момент задержания.

[57] Статья 47.4(9) Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Согласно статье 92(4) УПК РФ продолжительность свидания в некоторых делах может быть ограничена до двух часов.

[58] Статьи 50 и 53.1(5) Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

[59] Например, см. Элла Панеях и др. «Правоохранительная деятельность в России: структура, функционирование, пути реформирования», октябрь 2012, Институт проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге, СПб, стр. 144-145, см. http://komitetgi.ru/upload/uploaded_files/irl_4_pravookhrana_4%20kudrin_part_1_fin.pdf (ссылка по состоянию на 8 марта 2013).

[60] Статья 50 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

[61] Статья 52 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

[62] Статья 75.2(1) Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

[63] Например, см. «Дело двенадцати» в докладе «Замкнутый круг несправедливости», стр. 62-63.

[64] См. Amnesty International, «Россия должна защитить журналистов в Дагестане», пресс-релиз, 16 декабря 2011 года (Index: PRE01/627/2011), http://amnesty.org.ru/node/2189.

[65] В интервью Amnesty International на условиях полной конфиденциальности.

[66] Для дополнительной информации по вопросу неэффективности существующей системы уголовного судопроизводства на Северном Кавказе см. доклад «Замкнутый круг несправедливости», в частности главы «Пытки и иные формы жестокого обращения» и «Безнаказанность»; см. также Amnesty International, «Российская Федерация: Брифинг для Комитета ООН против пыток», 15 октября 2012 года, (Индекс: EUR/46/040/2012).

[67] Интервью с адвокатом, просившим не называть его имя, Нальчик, июнь 2012 года.

[68] В интервью Amnesty International, 8 июня 2012 года, Нальчик, Кабардино-Балкария.

[69] В интервью Amnesty International, Назрань, 10 июня 2012 года. Адвокат просил не называть его имя.

[70] См. Amnesty International, «Россия должна привлечь к суду убийц Натальи Эстемировой и других правозащитников», пресс-релиз, 14 июля 2012 года (Индекс: PRE01/343/2012) и Amnesty International «Им затыкают рот кулаками: нападения на правозащитников в Российской Федерации», 5 октября 2011 года (Индекс: EUR 46/040/2012), http://amnesty.org.ru/system/files/2011_beaten_up_for_speaking_out_ru.pdf.

[71] Парламентская Ассамблея Совета Европы, Резолюция 1738 (2010) Средства правовой защиты в случаях нарушения прав человека в Северокавказском регионе, 22 июня 2010 года, параграф 10, см. на англ.яз. http://assembly.coe.int/ASP/XRef/X2H-DW-XSL.asp?fileid=17870&lang=en (ссылка по состоянию на 8 марта 2013).

[72] В данные статьи включаются следующие статьи Уголовного кодекса Российской Федерации: 205 («Террористический акт»), 205.1 («Содействие террористической деятельности»), 208 («Организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем»), 209 («Бандитизм»), 210 («Организация преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней)»), 222 («Незаконные приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка или ношение оружия, его основных частей, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств»), 277 («Посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля»), 278 («Насильственный захват власти или насильственное удержание власти»), 279 («Вооруженный мятеж»), 317 («Посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа»), 318 («Применение насилия в отношении представителя власти»).

[73] Магамед Абубакаров, в интервью Amnesty International, 8 июня 2012 года, Нальчик, Кабардино-Балкария.

[74] В качестве примера см. доклад «Замкнутый круг несправедливости», стр. 18-20.

[75] См. доклад «Замкнутый круг несправедливости»; см. также Amnesty International, «Российская Федерация: Верховенство бесправия: Нарушения прав человека на Северном Кавказе», доклад, 30 июня 2009 года (Индекс: EUR 46/012/2009).

[76] См. доклад «Замкнутый круг несправедливости».

[77] Например, см. доклад «Замкнутый круг несправедливости», стр. 67-82.

[78] Принцип 16, «Основные принципы, касающиеся роли юристов».

[79] Amnesty International, «Российская Федерация: Сомнения в справедливости судебного процесса ставят под вопрос правомерность обвинительного приговора Михаилу Ходорковскому и Платону Лебедеву», заявление, 27 декабря 2010 года (Индекс: EUR 46/042/2010).

[80] Совет по правам человека ООН, Доклад, представленный специальным докладчиком по вопросу о независимости судей и адвокатов Леандро Деспуи по итогам его поездки в российскую Федерацию, 23 марта 2009 года, A/HRC/11/41/Add.2, см. на англ. яз.: http://www.unhcr.org/refworld/docid/49f84b842.html (ссылка по состоянию на 8 марта 2013).

Габриела Кнаул, действительный специальный докладчик по вопросу о независимости судей и адвокатов, посетила Российскую Федерацию в апреле 2013 года.

[81] Федеральная палата адвокатов, «Информационная справка о состоянии адвокатуры и адвокатской деятельности в 2011 году», см. http://www.fparf.ru/resh/2012/spravka_o_sostoyanii.htm (ссылка по состоянию на 8 марта 2013).

[82] Таким образом, ФПА отметила, что в 2011 году число незаконных допросов и попыток допросов адвокатов в качестве свидетелей по делам, которые они ведут, увеличилось почти вдвое по сравнению с предыдущим годом, с 103 случаев до 195. Там же.

[83] Президент России (официальный сайт президента Российской Федерации), «Стенографический отчет о заседании Совета по развитию гражданского общества и правам человека», 1 февраля 2011 года, Екатеринбург. См. http://www.kremlin.ru/transcripts/10194 (ссылка по состоянию на 8 марта 2013).

[84] Федеральная палата адвокатов, «Обеспечение прав и интересов граждан при осуществлении уголовно-правовой политики в Российской Федерации», 7 апреля 2009 года, Москва, опубликовано в «Новой адвокатской газете», № 9, 2009, см. http://www.advgazeta.ru/rubrics/9/283 (ссылка по состоянию на 8 марта 2013).

[85] Владимир Путин, «Демократия и качество государства», «Коммерсантъ», 6 февраля 2012 года, см. http://www.kommersant.ru/doc/1866753 (ссылка по состоянию на 8 марта 2013).

[86] Элла Панеях и др., «Правоохранительная деятельность в России: структура, функционирование, пути реформирования», октябрь 2012, Институт проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге, СПб, стр. 61, см. http://komitetgi.ru/upload/uploaded_files/irl_4_pravookhrana_4%20kudrin_part_1_fin.pdf (ссылка по состоянию на 8 марта 2013).

[87] Адвокат попросил не называть его имя, в интервью Amnesty International, июнь 2012 года.

[88] См. доклад «Замкнутый круг несправедливости», в частности стр. 18-20 и стр. 71-77.

[89] Принцип 16, «Основные принципы, касающиеся роли юристов».

[90] Статья 17, Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре».

[91] Интервью Amnesty International, Грозный, июнь 2012 года. Адвокат просил не называть его имя.

[92] Для дополнительной информации см. «Предполагаемое избиение 11 задержанных в процессе конвоирования» в докладе «Замкнутый круг несправедливости», стр. 65-66.

[93] См. детали: «Дело Иссы Хашагульгова», доклад «Замкнутый круг несправедливости», стр. 60-61.

[94] Статьи 14(3)(b) и (d) Международный пакт о гражданских и политических правах; Статья 6(3)(c) ЕКПЧ; см. также Принципы 1, 2, 5, 7 и 22, «Основные принципы, касающиеся роли юристов»; Комитет по правам человека ООН, Замечание Общего Порядка № 32, UN Doc. CCPR/C/GC/32 (2007), параграф 34.

[95] Комитет по правам человека ООН, Замечание Общего Порядка № 32, параграф 34; Принцип 8, «Основные принципы, касающиеся роли юристов»; Принцип 18(4), «Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме».

[96] В интервью Amnesty International, 8 июня 2011 года, Москва. Для дополнительной информации см. «'Ты что, из ада?' Дело Зелимхана Читигова» в докладе «Замкнутый круг несправедливости», стр. 55-57.

[97] Шура Буртин, «Сто часов в аду», интервью с Зелимханом Читиговым, «Русский репортер», №37(215), 22-29 сентября 2011 года, см. http://expert.ru/russian_reporter/2011/37/ (ссылка по состоянию на 8 марта 2013).

[98] Елена Буртина и Светлана Ганнушкина, интервью с Зелимханом Читиговым, 30 января 2011 года, опубликовано на сайте «Кавказский узел», 19 января 2012 года, см. http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/199533/ (ссылка по состоянию на 8 марта 2013).

[99] Специальный докладчик ООН по вопросу о независимости судей и адвокатов заявил, что «отсутствие защитника создает возможность злоупотреблений», см. Специальный докладчик по вопросу о независимости судей и адвокатов: Соединенное королевство, UN Doc. E/CN.4/1998/39/add.4 (1998) §47. Комитет по правам человека ООН и Комитет ООН против пыток неоднократно призывали государства гарантировать право всех задержанных, в том числе и подозреваемых в преступлениях, связанных с терроризмом, на доступ к защитнику до допроса и на присутствие адвоката во время допроса. Они рекомендовали гарантировать эти права законодательно. См., например, «Заключительные замечания Комитета ООН по правам человека: Ирландия», UN Doc. CCPR/C/IRL/CO/3 (2008) §§14; Республика Корея, UN Doc. CCPR/C/KOR/CO/3, (2006) §14; Нидерланды, UN Doc. CCPR/C/NDL/CO/4, (2009) §11; см. «Заключительные замечания Комитета против пыток: Турция», UN Doc. CAT/C/TUR/CO/3 (2010) §11.

[100] Например, см, открытое обращение адвоката Азы Яндиевой президенту Д.А. Медведеву, Генеральному прокурору Я.Я. Чайке и Председателю Следственного комитета А.И. Бастыркину, Ингушетия, 23 апреля 2011 года, текст обращения см. http://www.kavkaz-uzel.ru/blogs/342/posts/7578 (ссылка по состоянию на 8 марта 2013). По словам адвоката, ее подзащитный утверждал, что его заставили отказаться от ее услуг, а также сказали, что подложат в машину адвоката взрывное устройство и в ее убийстве обвинят членов незаконного вооруженного формирования.

[101] Статья 7.1(1), Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре»; Статья 9.1(2), Кодекс профессиональной этики адвоката.

[102] Адвокат, просивший не называть его имя, в интервью Amnesty International, Нальчик, июнь 2012 года.

[103] Европейский Комитет по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (ЕКПП), Стандарты ЕКПП, CPT/Inf/E (2002) 1 - Rev. 2011, декабрь 2011 года, стр. 8, 84 и 90.

[104] Там же, стр. 8.

[105] Например, см. дело Мурата Беджиева в Amnesty International, «Российская Федерация: «Брифинг для Комитета ООН против пыток», 15 октября 2012, EUR/46/040/2012, стр. 8.

[106] Например, см. «Дело Беслана Цечоева» в докладе «Замкнутый круг несправедливости», стр. 59.

[107] Интервью Amnesty International, Нальчик, Кабардино-Балкария, 8 июня 2012 года. Адвокат просила не называть ее имя.

[108] 21-ый общий доклад ЕКПП, CPT/Inf (2011)28, параграф 21.

[109] «Салдуз против Турции», жалоба № 36391/02, 27 ноября 2008 года, параграф 54.

[110] Статья 6.2, Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре».

[111] Там же.

[112] Интервью Amnesty International, Черкесск, Карачаево-Черкесия, 16 июня 2012 года. Адвокат просила не называть ее имя.

[113] Интервью Amnesty International, Коллегия адвокатов «Защита», Владикавказ, Северная Осетия, 15 июня 2012 года.

[114] Для дополнительной информации о содержании под стражей без связи с внешним миром (инкоммуникадо) см. доклад «Замкнутый круг несправедливости», стр. 58-61.

[115] Интервью Amnesty International, Владикавказ, Северная Осетия, 9 июня 2012 года.

[116] Это дело также цитируется в докладе «Замкнутый круг несправедливости», стр. 60-61.

[117] См. Amnesty International, «Amnesty International осуждает взрыв в Северной Осетии», 9 сентября 2010 года, см. на англ. яз. http://www.amnesty.org/en/news-and-updates/deadly-bomb-attack-north-ossetia-condemned-2010-09-09.

[118] Екатерина Селезнева, «Задержанного по подозрению в причастности к теракту Хашагульгова нет ни в Лефортово, ни в СИЗО Владикавказа», «Кавказский узел», 13 апреля 2011 года, см. http://www.kavkazuzel.ru/articles/183305/ (ссылка по состоянию на 8 марта 2013).

[119] Другой адвокат из Ингушетии, несколько подзащитных которого содержатся под стражей в Москве, также жаловался на то, что его просят предъявить письменное разрешение от следователя на встречу с подзащитным во время предварительного заключения. Интервью Amnesty International, Назрань, Ингушетия, 10 июня 2012 года. Адвокат просил не называть его имя.

[120] Статья 49.3(3) Уголовного кодекса РФ.

[121] Статья 10, Декларация о защите всех лиц от насильственных исчезновений, Принята резолюцией 47/133 Генеральной Ассамблеи 18 декабря 1992 года, A/RES/47/133; Принцип 16(1) Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме.

[122] См. Европейский Комитет по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (ЕКПП), Стандарты ЕКПП, CPT/Inf/E (2002) 1 - Rev. 2011, декабрь 2011 года, стр. 8, 84 и 90.

[123] Amnesty International, Индекс: EUR 46/012/2012.

[124] См. обсуждение практики насильственных исчезновений, тайному содержанию под стражей и содержанию под стражей без связи с внешним миром (инкоммуникадо) в докладе «Замкнутый круг несправедливости», стр. 21-34 и 58-61.

[125] Интервью с Евой Чанлевой, Нальчик, Кабардино-Балкария, 8 июня 2012 года; интервью с Батыром Ахильговым и Магомедом Гагиевым, Назрань, Ингушетия, 10 июня 2012 года.

[126] Федеральная палата адвокатов, «Информационная справка о состоянии адвокатуры и адвокатской деятельности в 2011 году», пункт 3.1, см. http://www.fparf.ru/resh/2012/spravka_o_sostoyanii.htm (ссылка по состоянию на 8 марта 2013).

[127] Соответственно статья 9 Кодекса профессиональной этики адвоката предписывает, что адвокат не может «действовать вопреки законным интересам доверителя, оказывать ему юридическую помощь, … находясь под воздействием давления извне; занимать по делу позицию, противоположную позиции доверителя, и действовать вопреки его воле, за исключением случаев, когда адвокат-защитник убежден в наличии самооговора своего подзащитного». Статья 10.8 Кодекса гласит, что обязанности адвоката при оказании им юридической помощи по назначению не отличаются от обязанностей при оказании юридической помощи за гонорар. Адвокат не вправе отказаться от защиты, кроме случаев, указанных в законе, и должен выполнять обязанности защитника во ходе уголовного судебного разбирательства и слушаний в суде первой инстанции (Статья 13(2) Кодекса).

[128] Принципы 12, 13 и 15, «Основные принципы, касающиеся роли юристов».

[129] См. доклад «Замкнутый круг несправедливости», стр. 61-63, включая дело, процитированное на стр. 62, в качестве примера.

[130] Комитет против пыток, Заключительные замечания по пятому периодическому докладу Российской Федерации, принятые Комитетом на его сорок девятой сессии (29 октября − 23 ноября 2012 года), 11 декабря 2012 года, CAT/C/RUS/CO/5.

[131] Доклад правительству Российской Федерации, подготовленный Европейским Комитетом по предотвращению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (ЕКПП) по итогам посещения Северо-кавказского региона Российской Федерации с 27 апреля по 6 мая 2011 года, Страсбург, 24 января 2013 года, CPT/Inf (2013) 1, параграф 34.

[132] Например, см. «Дело двенадцати» в докладе «Замкнутый круг несправедливости», стр. 62-63.

[133] Размер выплат также часто считается низким: например, см. Федор Богдановский, «‘Адвокат-обвинитель’, ‘басня о независимом правосудии’ и новая стычка ВС и Мосгорсуда», «Pravo.ru», 27 марта 2012 года. См. http://pravo.ru/review/view/70354/ (ссылка по состоянию на 8 марта 2013).

[134] См. доклад «Замкнутый круг несправедливости», стр. 46-66.

[135] Дмитрий Утукин, руководитель Сводной мобильной группы правозащитных организаций в Чечне, интервью Amnesty International, Грозный, 11 июня 2012 года. Сводная мобильная группа в Чечне является совместной инициативой, собравшей представителей правозащитных организаций России из-за пределов Чечни, которые поддерживают постоянное присутствие в Чечне. Члены группы работают в Чечне «вахтовым методом», приезжая на несколько недель каждый, и расследуют сообщения о нарушениях прав человека, совершенных сотрудниками правоохранительных органов. Они оказывают правовую поддержку лицам, чьи права были нарушены, контролируют расследования их заявлений, которые проводят местные власти, опрашивают выживших и свидетелей, и собирают другие доказательства, чтобы в качестве представителей подзащитных оспорить бездействие властей в вопросах расследования дел, установления круга подозреваемых лиц и предъявления им обвинения.

[136] Альберт Кочиев, интервью Amnesty International, Черкесск, Карачаево-Черкесия, 16 июня 2012 года.

[137] Статья 217 Уголовного кодекса Российской Федерации.

[138] Источник: решение Северо-Кавказского окружного военного суда, 2004 (более точной даты нет), процитированное в: Г.К. Шаров, Федеральная палата адвокатов, «Разъяснение Экспертно-методической комиссии Совета Федеральной палаты адвокатов РФ в связи со случаями невыполнения адвокатами–защитниками своих профессиональных обязанностей, нарушающими права доверителей на защиту», 23 марта 2011 года. См. http://www.fparf.ru/resh/2011/otkaz_ot_zachity.htm (ссылка по состоянию на 8 марта 2013).

[139] «Артико против Италии» (ЕСПЧ), жалоба № 6694/74, параграф 33; «Имброщиа против Швейцарии» (ЕСПЧ), жалоба № 13972/88, параграф 38; «Дауд против Португалии» (ЕСПЧ), жалоба № 22600/93, параграф 38; Комитет по правам человека ООН, Замечание Общего Порядка № 32, параграф 38.

[140] Для дополнительной информации по этому делу см. доклад «Замкнутый круг несправедливости», стр. 62-62. См. также «Краткое описание дела о пытках Эсмурзиева Мурата», материалы ПЦ Мемориал о преступлениях, совершенных сотрудниками правоохранительных органов, направленные Председателю Следственного комитета России А.И.Бастрыкину 3 мая 2012 года, 4 мая 2012 года, см. http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/206048/?print=true (ссылка по состоянию на 8 марта 2013).

[141] Интервью Amnesty International, на условиях анонимности, июнь 2012 года.

[142] См. доклад «Замкнутый круг несправедливости», стр. 61-63.

[143] Тома Цечоева, в интервью Amnesty International, Назрань, Ингушетия, 10 июня 2012 года.

[144] Для дополнительной информации по безнаказанности и неэффективному расследованию властей предполагаемых нарушений, совершенных правоохранительными органами см. доклад «Замкнутый круг несправедливости», стр. 67-82.

[145] Интервью Amnesty International, Назрань, 10 июня 2012 года. Адвокат просил не называть его имя.

[146] В интервью Amnesty International, июнь 2012 года.

[147] В интервью Amnesty International, Ингушетия, июнь 2012 года.

[148] Принцип 16, «Основные принципы, касающиеся роли юристов»; См. также Комитет по правам человека ООН, Замечание Общего Порядка № 32, параграф 34.

[149] Последний подробный доклад по данному вопросу, «Замкнутый круг несправедливости», был опубликован в июне 2012 года. В качестве конкретного примера в докладе была выбрана республика Ингушетия, но зафиксированные и проанализированные в нем механизмы, способствующие нарушениям прав человека со стороны сотрудников правоохранительных органов и безнаказанности, а также недостаток средств правовой защиты для лиц, чьи права были нарушены, в равной степени характерны для всего Северного Кавказа. См. доклад «Замкнутый круг несправедливости», стр. 67-82. Проблема недостатка средств правовой защиты для лиц, чьи права были нарушены, неоднократно поднималась в последующих, более поздних документах Amnesty International, а также в переписке с российскими властями.

[150] И до, и после автомобильной аварии Магамед Абубакаров давал много интервью прессе по вопросу нарушений прав человека в делах, по которыми он в тот момент работал. См., например, часто цитируемое интервью Германской секции Amnesty International, 29 июня 2009 года, см. at http://amnesty.org.ru/node/310 (ссылка по состоянию на 8 марта 2013).

[151] Текст см. http://news.trepashkin.info/2008/04/blog-post_30.html (ссылка по состоянию на 8 марта 2013).

[152] Луиза Оразаева «Адвокат Лариса Дорогова в Кабардино-Балкарии получила угрозу в виде боевого патрона», «Кавказский узел», 26 марта 2008 года, см. http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/134131/ (ссылка по состоянию на 8 марта 2013).

[153] Лариса Дорогова сообщила дополнительные подробности данного случая в открытом письме, адресованном начальнику СК Генпрокуратуры РФ Бастрыкину А.И., министру МВД РФ Нургалиеву Р.Г. и в Государственную Думу РФ, опубликовано 16 ноября 2010 года на сайте http://www.kavkaz-uzel.ru/blogs/2094/posts/6044 (ссылка по состоянию на 8 марта 2013).

[154] Например, см. Григорий Галиулин «Мириться с несвободой не желаю», интервью с Ларисой Дороговой, «Кавказский узел», 19 января 2012 года, см. http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/199489/ (ссылка по состоянию на 8 марта 2013).

[155] Правозащитный центр Мемориал, «В центре Махачкалы совершено нападение на известного дагестанского адвоката Сергея Квасова», 12 апреля 2010 года, см. http://www.memo.ru/hr/hotpoints/caucas1/msg/2010/04/m203156.htm (ссылка по состоянию на 8 марта 2013).

[156] Правозащитный центр Мемориал, «Дагестан: нападения на адвокатов продолжаются», 11 октября 2010 года, см. http://www.memo.ru/2010/10/11/1110101.htm (ссылка по состоянию на 8 марта 2013).

[157] Amnesty International брала интервью у Джамили Тагировой в июле 2010 года. Правозащитный центр Мемориал сообщил об этом случае, см. «Дагестан: продолжаются избиения адвокатов», 6 июля 2010 года, http://www.memo.ru/hr/hotpoints/caucas1/msg/2010/07/m211557.htm (ссылка по состоянию на 8 марта 2013). Фотографию, на которой видны полученные Джамилей Тагировой травмы, см. Тимур Исаев, «В Дагестане адвокат требует привлечь к уголовной ответственности избившего ее следователя», «Кавказский узел», 13 июля 2010 года, http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/171561/ (ссылка по состоянию на 8 марта 2013).

[158] Amnesty International, «Российская Федерация: Власти преследуют дагестанского адвоката: Сапият Магомедова», акция срочной помощи, 7 октября 2010 года (Индекс: EUR 46/037/2010); «Российская Федерация: Дагестанский адвокат по-прежнему в опасности: Сапият Магомедова: Дополнительная информация», новые сведения по АСП, 5 ноября 2010 года (Индекс: EUR 46/039/2010).

[159] Интервью с Альбертом Кочиевым, 16 июня 2012 года, Черкесск, Карачаево-Черкесия.

[160] Правозащитник Наталья Эстемирова собрала и опубликовала информацию о многочисленных нарушениях прав человека со стороны сотрудников правоохранительных органов в Чечне. Была похищена неизвестными около своего дома в Грозном 15 июля 2009 года. Ее тело с многочисленными огнестрельными ранениями было найдено в тот же день в соседней Ингушетии. Убийцы Натальи Эстемировов так и не были установлены.

[161] Источник данной информации пожелал остаться неизвестным. Он не связан с цитируемым далее источником.

[162] Выступление Светланы Ганнушкиной, Председателя комитета «Гражданское содействие». Встреча проходила 5 июля 2011 года в Нальчике, Кабардино-Балкария. См. расшифровку заседания на официальном сайте президента Российской Федерации http://state.kremlin.ru/council/18/news/11838 (ссылка по состоянию на 8 марта 2013).

[163] Для дополнительной информации см. Тимур Мустафаев, «На адвоката Константина Мудунова 19 ноября было совершено покушение. Он известен как защитник интересов обвиняемых в двух покушениях на председателя отделения ПФ РФ по РД Амучи Амутинова», «Черновик», 23 ноября 2008 года, см. http://old.chernovik.net/print.php?new=5643 (ссылка по состоянию на 8 марта 2013).

[164] «Обзорная справка для второй пресс-конференции Коллегии адвокатов «Кавказ» по событию убийства 20 января 2012 года адвоката коллегии Сагидмагомедова Омара Ахмедовича». Документ раздавался во время пресс-конференции.

[165] См., например, «Эрги против Турции» (ЕСПЧ), жалоба № 23818/94, параграфы 83-84; «Кайя против Турции» (ЕСПЧ), жалоба № 22729/93, параграф 87; «Яша против Турции» (ЕСПЧ), жалоба № , параграфы 102-104; «Егур против Турции» (ЕСПЧ), жалоба № 21954/93, параграф 93; «Принципы эффективного предупреждения и расследования внезаконных, произвольных и суммарных казней», рекомендованы резолюцией ЭКОСОС ООН 1989/65 от 24 мая 1989 года, Принцип 9.